

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ «АКАДЕМИЯ СОЦИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ»
Кафедра практической психологии личности и индивидуального консультирования

ПРОВЕДЕНИЕ КАЧЕСТВЕННОГО ИНТЕРВЬЮ

Учебное пособие

Направления подготовки –
37.03.01 «Психология»,
37.04.01 «Психология»

Квалификация (степень) – бакалавр, магистр

Формы обучения – очная, заочная

АСОУ
2019

УДК 371

Автор-составитель: **Трубицына Людмила Валентиновна**, доцент кафедры практической психологии личности и индивидуального консультирования

Трубицына Л. В. Проведение качественного интервью: учебное пособие. Направления подготовки – 37.03.01 «Психология», 37.04.01 «Психология». Квалификация (степень) – бакалавр, магистр. Формы обучения – очная, заочная. – АСОУ, 2019. – 56 с.

Учебное пособие «Проведение качественного интервью» представляет собой руководство по применению особого метода психологического исследования – качественного интервью, причем особое внимание уделяется выделяемому автором пособия слабоструктурированному интервью. В рекомендациях дается теоретическое обоснование использования этого метода, предлагаются подробные инструкции по практическому применению качественного интервью. Рекомендации сопровождаются практическими заданиями, позволяющими психологам и студентам освоить все основные этапы проведения такого исследования. Пособие предназначено для студентов вузов, обучающихся по специальности «Психология» (бакалавриат и магистратура), при изучении курсов «Эмпирические исследования в психологии», «Качественные исследования в психологии», а также для психологов, занимающихся исследовательской деятельностью.

Утверждено методическим советом
Протокол № 10
«17» декабря 2018 г.

Одобрено кафедрой
Протокол № 4
«29» ноября 2018 г.

© Трубицына Л. В., 2019
АСОУ, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

Интервью как метод психологического исследования	3
Структурированное интервью.....	10
Немного о полуструктурированном интервью.....	11
Слабоструктурированное интервью	12
<i>Практическая работа.</i> Выбор темы (проблемы) качественного интервью.	14
Планирование и подготовка слабоструктурированного интервью.....	14
<i>Практическое задание.</i> Планирование исследования.	20
Проведение интервью.	21
<i>Практическое задание.</i> Проведение интервью на запланированную тему с конкретным выбранным респондентом.	24
Расшифровка интервью	25
Кодирование и анализ интервью	26
<i>Практическое задание.</i> Качественный анализ интервью.....	28
Количественный анализ качественных интервью.....	33
<i>Практическое задание.</i> Подготовка материалов для количественного исследования	34
Основная литература.....	34
Рекомендуемая литература.....	35
Приложение 1	36
Приложение 2	39
Приложение 3	50

ИНТЕРВЬЮ КАК МЕТОД ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Интервью – это особая форма проведения беседы, разговора, при которой один из собеседников, называемый интервьюером, предлагает темы для обсуждения и задает вопросы, а другой или другие собеседники (называемые респондентами или интервьюируемыми) участвуют в обсуждении предложенных тем и отвечают на заданные вопросы.

Интервью отличается от обычной беседы именно наличием такой асимметрии: оно проводится интервьюером с определенной им целью.

Интервью используется в самых разных областях науки и практики: в социологии и психологии, в маркетинге и исследованиях рекламы, в журналистике и медицине.

Когда мы говорим об интервью, следует определить цели его использования. В данной работе нас интересует прежде всего использование метода интервью в психологии, поэтому мы и начнем с определения видов интервью в зависимости от целей использования этого метода. Интервью чаще всего применяется в практических целях, являясь одним из ведущих методов диагностики в клинической психологии (как и в медицине в целом), где часто выступает под названием «клиническая беседа», в профориентации, профотборе, организационном, семейном, индивидуальном консультировании и т.д. Диагностическое интервью используется в разных школах и в разных отраслях психологии. Его цель – выявление определенных паттернов, способствующих постановке диагноза в соответствии с некими критериями, разработанными в конкретных отраслях практической психологии.

В практике интервью используется и как один из основных методов воздействия. Такое использование интервью прежде всего связано с психотерапией и консультированием. С помощью специально задаваемых вопросов консультант не только выявляет диагностически значимые паттерны, но помогает клиенту осознать и изменить их. Отметим, что интервью как метод влияния, способствующий достижению изменений, может приводить к значительным изменениям взглядов, убеждений, отношения респондента. При этом, естественно, соответствующим образом построенное и проведенное интервью может подводить респондента к выводам, к которым хотел его заранее подвести интервьюер, внушать респонденту определенное мнение и отношение. Неслучайно среди техник неклассического гипноза немало приемов задавания вопросов, т. е. интервьюирования.

Интервью может быть очень серьезным методом воздействия даже просто за счет переключения внимания. (Например: «Обратите внимание, какая рука у вас сейчас теплее – левая или правая?». Или: «Скажите, где в теле вы сейчас испытываете неприятные ощущения?». И вы с большей или меньшей легкостью сможете ответить на эти вопросы, хотя секунду назад не обращали на это внимания, а при должным образом сформулированных вопросах могли

бы покаяться, что не испытываете неприятных ощущений и руки у вас одинаково теплые.) О различных способах использования интервью в целях достижения психотерапевтического эффекта вы можете прочесть у корифеев различных психотерапевтических и консультативных подходов (например, Дж. Бьюджентала, М. Эриксона, Р. Бэнндлера и Дж. Гриндера, В. Сатир и т. д.). Обычно, когда такое воздействие оказывается в процессе консультирования или терапии, оно осуществляется в интересах респондента и соответствует строгим этическим нормам, разрабатываемым в этих подходах.

Однако подобное воздействие может использоваться (и используется) и в рекламных целях, и в PR-компаниях, и в переговорах. В общем, мы можем говорить о практическом применении метода интервью в «политических» целях, для того, чтобы добиться результата, желательного для интервьюера или того, чьи интересы он представляет. Подобные эффекты использования метода интервью также хорошо известны и описаны.

Отметим, что во многих случаях помимо осознанного целенаправленного воздействия интервьюер в процессе интервью может оказывать и неосознанное воздействие, просто не отслеживая эффектов от задаваемых вопросов или неосознанно подводя к ответам, которых ожидал.

Таким образом, из сказанного выше можно сделать совершенно ложный вывод о невозможности использования метода интервью в научном исследовании, об искаженных результатах, которые дает этот метод.

Прежде чем описывать процесс использования интервью в психологическом исследовании, попытаемся определить его место среди методов науки.

Говоря об интервью, нам следует четко определить подготовку к проведению интервью (организационные методы, говоря словами Б. Г. Ананьева), собственно процесс интервьюирования (по-видимому, эмпирические методы), процесс обработки данных (по каким-то причинам этот процесс не учитывается в классификациях методов) и процесс анализа данных (методы анализа). Таким образом, сразу же мы сталкиваемся с невозможностью использовать классификации, традиционно принятые в психологии.

Поэтому мы будем опираться на собственные классификации, сопоставляя их с другими.

К традиционным общенаучным методам получения эмпирической информации относят методы наблюдения, шкалирования и эксперимента. В общественных науках к ним могут быть добавлены языковые методы – метод интервью (или беседы), методы дискурс-анализа, методы работы с текстом (контент-анализ). (Вероятно, эти методы могут быть объединены в общий метод работы с речевым материалом.) Стандартизированные психологические тесты мы в данном случае относим к методу шкалирования, хотя процесс их построения может быть скорее отнесен к работе с речевым материалом.

Традиционно очень условно научные исследования разделяют на теоретические и эмпирические. Очень условно хотя бы потому, что в любом эмпирическом исследовании исследователь базируется на определенных теорети-

ческих понятиях и концепциях. Однако именно в эмпирических исследованиях ученый либо проверяет правильность некоторых гипотетических, теоретических построений, либо опытным путем получает и описывает новые факты.

Эмпирическое исследование может строиться на основе теоретических выкладок и рассуждений, следовать за ними, уточнять и проверять их, а может опережать их, давать материал для будущих рассуждений.

В зависимости от того, какой вариант эмпирического исследования мы выбираем, мы будем ставить разные цели и использовать метод интервью совершенно по-разному.

Если рассматривать интервью как метод исследования, используемый для проверки теории, мы формулируем гипотезы до проведения интервью. И здесь мы считаем очень важным выделение трех типов гипотез по их содержанию – гипотез о наличии явления (гипотеза типа А), гипотез о связи между явлениями (гипотеза типа Б) и гипотез о причинно-следственной связи между явлениями (гипотеза типа В) [4]. Многие исследователи относят к научным гипотезам только гипотезы типа Б и В. Научная гипотеза определяется порой так: «Гипотеза – это научно обоснованное предположение о причинах или закономерных связях каких-либо явлений или событий природы, общества, мышления». В таком случае может использоваться метод интервью наряду с другими методами. Гипотезы типа Б и В чаще всего используются в конкретных исследованиях. Но, к сожалению, эти гипотезы позволяют нам проверить только то, что мы уже предполагали, и не дают возможности обнаружить что-либо принципиально новое.

Именно гипотезы типа А позволяют нам обнаруживать новые факты и стороны явления. В психологии проверке гипотез типа А соответствуют методы наблюдения и интервью, а также метод эксперимента, который называют полевым экспериментом, а мы по аналогии с качественным интервью и качественными наблюдениями могли бы назвать «качественным экспериментом». В последние десятилетия в психологии наблюдаются две тенденции. С одной стороны, активно развиваются различные школы и направления качественных исследований, с другой стороны, эксперимент все больше рассматривается как очень жестко определенный метод проверки гипотез о причинно-следственной связи между явлениями. При этом название «эксперимент» как бы остается только за такой жестко структурированной формой исследования, а наиболее яркие психологические эксперименты остаются вне этой классификации (например, эксперименты Зимбардо, Шерифов, Милгрэма, Пиаже и др.). Именно эти эксперименты мы считаем возможным назвать качественными. Можно, конечно, давать различное теоретическое обоснование таким исследованиям, но нередко исследование проводилось по типу «Что будет, если...?».

Как бы мы ни старались придать скучно-серьезный вид науке и научным исследованиям, часто именно любопытство приводит к открытиям нового, а оно может быть сформулировано таким образом: что это такое? Что это значит? К чему это может привести? Что будет, если...?

Именно наблюдение, качественное слабоструктурированное интервью и качественный эксперимент дают нам такие новые факты и описания различных аспектов явлений.

Использование интервью в психологических исследованиях чаще всего связывают с целым рядом теоретических и методологических подходов, которые получили название качественных. К ним традиционно относят подходы, принадлежащие в других классификациях к герменевтическим, феноменологическим, конструкционистским и ряду других философских и методологических подходов. Мы не ставим перед собой задачу анализировать эти подходы, что уже многократно делалось до нас (см., например, у Улановского, Бусыгиной [3; 16; 17]). Отметим, что экспериментальные исследования, проводимые в этом русле, часто соответствуют некоторым методологическим принципам, которые служат для обоснования их научности и валидности.

«Методологический каркас» представляет собой систему методологических правил и включает в себя следующие процедуры:

- 1) выбор «дизайна» и проверка его на адекватность исследовательским вопросам;
- 2) применение «открытых» гипотез, уточняемых и модифицируемых ходом самого исследования;
- 3) использование так называемых «целевых» (а не «случайных») выборок;
- 4) использование «аналитических» (а не «статистических») обобщений;
- 5) применение специфических интерпретативных приемов работы с эмпирическими данными» [2, с. 10].

Для проверки надежности и валидности качественных методов используются различные критерии и часто даже специальный термин – качество качественных методов. На наш взгляд, удачную попытку объединения различных критериев валидности в рамках качественных подходов, не пытающихся противопоставить себя научным и остающимся в рамках современной науки, осуществили Мельникова и Хорошилов. Позволим себе привести предложенную ими структуру валидации качественного исследования на разных его этапах.

«Критерии валидности планирования исследования и сбора данных:

- 1) предварительная экспликация теоретических позиций, опыта работы в заявленной исследовательской сфере и личностных представлений об изучаемой теме;
- 2) обоснованность выбора качественного подхода к изучению данной проблемы;
- 3) обоснованность формирования выборки, методов сбора и обработки данных;
- 4) систематическое описание контекста и условий исследования («поля»);
- 5) систематическое описание диалогических отношений с респондентами.

Критерии валидности анализа данных:

- 1) аргументированность, логичность и связность анализа;

2) обоснование четких взаимосвязей между аналитическими умозаключениями и конкретными данными;

3) разделение фактических описаний, смысловых обобщений и теоретических интерпретаций данных;

4) реконструкция всех смысловых позиций, представленных в «сырых» данных, и адекватное их представление для читателя;

5) стилистическая, риторическая, дискурсивная грамотность анализа.

Критерии валидности интерпретации данных:

1) опосредованность теоретических интерпретаций аналитическими категориями, сконструированными исходя из «сырых» данных;

2) представленность в отчете авторской рефлексивной позиции;

3) социальная полезность и критический потенциал анализа;

4) оригинальность и инновативность предлагаемых интерпретаций;

5) возможность вывести практические импликации из исследования.

Критерии валидности презентации данных:

1) прозрачность и выразительность представления данных;

2) открытость данных для обсуждения профессиональным сообществом;

3) открытость данных для обсуждения читателями;

4) раскрытие изменений понимания и рефлексивной работы исследователя;

5) оценка возможности обобщений и решения социальных проблем.

Критерий этической валидности:

1) проведение через исследование идей «открытого общества» и гуманизма» [12, с. 47].

Однако хочется заметить, что до сих пор традиционное деление методов психологии на количественные и качественные, как и часто встречающееся стремление психологов противопоставить свою область другим наукам, характеризует скорее психологию как еще находящуюся в «подростковом» возрасте, с его нонконформизмом и стремлением противопоставить себя «взрослым».

Попробуем обосновать это мнение. Если в соответствии с этапами эмпирического исследования выделить методы организации (подготовки), сбора данных, обработки данных, анализа и интерпретации, то к количественным условно можно отнести только некоторые методы сбора данных (и то частично), а также обработки и анализа (там, где мы используем методы математической статистики). Но в любом «количественном» исследовании значительное место занимают «качественные» методы: вся организация, отчасти сбор данных, а также их качественный анализ и интерпретация являются обязательными составляющими любого, самого «количественного» исследования.

Что же касается высказываний психологов относительно того, что в психологическом исследовании мы имеем дело с уникальными, единичными случаями, а не типичными, сошлемся на известного физика Ричарда Фейнмана: «Кстати говоря, невозможно выбрать такой пример, который был бы типичен во всех отношениях. Это удивительное свойство нашего мира» [18, с. 28].

Вернемся к интервью.

По форме можно выделить структурированное, полуструктурированное и неструктурированное (точнее, слабоструктурированное) интервью.

При планировании интервью мы должны определить цель и гипотезы, затем решить, как именно мы планируем обрабатывать и анализировать интервью. Именно предположение о том, как далее интервью будет обрабатываться и в каком теоретическом подходе будет анализироваться, позволяет спланировать интервью. То, какие вопросы мы будем задавать, всегда определяется теми теоретическими концепциями, на которых будет строиться анализ интервью. Будет ли оно направлено на выявление детских травм или целей деятельности, смысла происходящего для респондента или реакции на заданные стимулы, поиска деталей и стимулов, вызвавших определенную реакцию, или мыслей, предшествующих действию, – все это зависит от предполагаемой интерпретации. Заранее следует решить и то, собираетесь ли вы использовать только качественный анализ данных или же хотите прибегнуть и к количественной обработке и количественному анализу (с использованием методов математической статистики). Для принятия решения об использовании качественного или количественного анализа психологам могут быть полезны слова известного физика Р. Фейнмана, сказанные им, правда, по отношению к физике: «...Математика приносит огромную пользу физике там, где речь идет о деталях сложных явлений, если установлены основные правила игры» [18, с. 40].

Отметим, что придерживаться только одной концепции, одного варианта интерпретации и анализа данных интервью – не единственно возможный способ.

Триангуляция, или применение различных методов сбора данных, подходов к интерпретации, участие разных исследователей в исследовании, на сегодняшний день в психологии считается не только допустимой, но даже желательной (по крайней мере, с точки зрения методологов психологии) [1].

Нам иногда кажется, что такое множество теоретических подходов и вариантов интерпретаций связано с несовершенством психологии как науки, и следует стремиться к наиболее «правильному» подходу, отвергая остальные. Однако посмотрим на естественные науки, обращаясь опять к физике, чью «научность» отрицать в голову не придет никому: «...Каждый приличный физик-теоретик знает шесть или семь теоретических обоснований одних и тех же физических фактов. Он знает, что они эквивалентны и что никто и никогда не сможет решить, оставаясь на этом же уровне, какая из этих теорий верна, но он помнит о них всех, надеясь, что это подскажет ему разные идеи для будущих догадок» [18, с. 46]. Поэтому, планируя проведение интервью, вероятно, можно заранее запланировать и несколько вариантов анализа и интерпретации полученных результатов.

Интервью различаются по степени формализации и стандартизации, образуя целый континуум методов, характерных для разных типов исследования.

На одном конце континуума – беседа-монолог, где интервьюер практически не задает вопросов, а предоставляет респонденту говорить все, что хочется (пример – метод свободных ассоциаций в психоанализе), на другом – жестко структурированный опрос, в крайней форме – письменная анкета с выбором ответа из заданных.

Наибольший интерес для нас представляет проведение слабоструктурированного интервью. Некоторые авторы называют его свободным интервью [10] (например, М. Д. Коновалова), другие – полуструктурированным [9] (например, С. Квале). Мы здесь используем название «слабоструктурированное» или почти «неструктурированное», потому что, с одной стороны, такое интервью все-таки не является совсем свободной беседой, так как интервьюер направляет его в соответствии с некоторыми заготовками. С другой стороны, нельзя назвать его и полуструктурированным. Хотя С. Квале и описывает многие черты слабоструктурированного интервью, однако особый акцент он делает именно на достаточно сильно спланированном.

Итак, для принятия решения о выборе при проведении метода интервью и определения, какое именно интервью проводить, нужно:

1) определить проблему, на поиск решения которой будет направлено исследование. В данном случае мы говорим о проблеме в очень широком смысле – например, в качестве проблемы может рассматриваться неисследованность какой-либо области (но может и отсутствие достаточно проверенной информации о причинах какого-либо явления);

2) предварительно сформулировать гипотезу и определить тип этой гипотезы. Проще говоря, решить – хотите ли вы выявить наличие (или отсутствие) связи между какими-то явлениями или просто выявить как можно более полно различные аспекты этого явления (проверить гипотезу о том, что оно существует и может быть разносторонне описано);

3) сформулировать в соответствии с гипотезой цель вашего исследования – например, изучить специфику (разные аспекты, в том числе и выявить максимально широко всесторонние связи этого явления с другими), проверить наличие связи между явлениями, найти различия, выявить наличие причинно-следственных отношений.

Далее мы покажем, какой из методов интервью предпочтителен в каком случае.

СТРУКТУРИРОВАННОЕ ИНТЕРВЬЮ

На наш взгляд, структурированное интервью наиболее полезно при проверке корреляционных гипотез (о связи между явлениями) или каузальных гипотез (о причинно-следственной связи). Структурированное интервью предполагает самый большой объем работы, проводимой до интервьюирования, стандартизированную процедуру интервьюирования и, как правило, не столько качественную, сколько количественную обработку и анализ резуль-

татов интервью. Структурированное интервью требует наличия предварительно сформулированной гипотезы, в соответствии с которой составляется план интервью, включающий заранее подготовленный список вопросов. Интервью может проводиться в письменной форме (анкета) или в устной (вопросник). Часто большая часть вопросника состоит из закрытых вопросов с полным набором возможных ответов. В случае использования открытых вопросов ответы на них фиксируются как можно более точно. Как правило, проведение стандартизированных, структурированных интервью не требует проведения аудиозаписи. Удобнее и проще ограничиваться письменной фиксацией ответов в заранее подготовленном вопроснике или анкете.

Подробнее о правилах подготовки текста вопросника или анкеты и правилах проведения структурированного интервью см. [10; 14].

Отметим только, что в результате подобного интервью мы, как правило, можем получить только те ответы, которые предположили заранее. (На вопрос «Какая порода собак вам больше нравится: (а) бульмастиф; (б) чихуахуа; (в) немецкая овчарка?» трудно получить ответы: «смотря для чего», «предпочитаю дворняжек», «собак не люблю» или «предпочитаю кошек».) Результаты структурированного интервью достаточно удобно анализировать с помощью методов математической статистики, проверяя предварительно сформулированные гипотезы, но трудно (почти невозможно) обнаружить что-то новое и неожиданное.

НЕМНОГО О ПОЛУСТРУКТУРИРОВАННОМ ИНТЕРВЬЮ

В полуструктурированном интервью чаще проверяются гипотезы типа Б и В – о наличии связи или о причинно-следственной связи между какими-то явлениями, часто – между реакциями испытуемого и аспектами реальности, которые вызвали эту реакцию. Поэтому полуструктурированное интервью предполагает более строго спланированное интервью. Так, при отборе испытуемых требуется, чтобы они имели некоторый сходный опыт. Например, изучая предпочтение выбора той или иной породы собак, мы выбираем только тех респондентов, которые держат собак или собираются их взять; при изучении распределения отношений власти в семье – людей, находящихся в браке; при исследовании реакции на какие-то стимулы или ситуации – опыт пребывания в этих ситуациях или воздействия этого стимула.

Планируются основные темы или основные вопросы, которые будут рассматриваться в интервью. Затем эти вопросы разбиваются на части и переводятся на обычный повседневный язык. Практически готовится небольшой опросник. Следование ему в полуструктурированном интервью не является строгим, однако интервьюер следит за тем, чтобы затронуть в интервью все основные вопросы.

Отметим, что результаты полуструктурированного интервью могут подвергаться не только качественному, но и количественному анализу, по край-

ней мере, могут подсчитываться процентные соотношения тех или иных типов ответов, оцениваться статистические различия реакций на стимулы, установки по отношению к каким-то аспектам ситуации.

В какой-то степени примером полуструктурированного интервью может быть фокус-группа. Р. Мертон при разработке группового интервью предложил, по сути дела, интервью, сфокусированное на конкретной узкой ситуации (реакции на предложенный стимул – рекламу, пропаганду и т. п.). «Мы уже отмечали, что сфокусированное интервью предполагает анализ рассматриваемой ситуации и наличие вопросника, в основном базирующегося на этом анализе. Вопросник содержит перечисление тех аспектов ситуации, рассмотрение которых, как предполагается, обеспечит получение значимых реакций». Сфокусированное интервью предполагает наличие априорно полученных уже данных о ситуации или стимуле, т.е. служит проверке гипотезы. Пожалуй, важное отличие слабоструктурированного и полуструктурированного интервью не столько в степени структурированности и разработанности вопросника или плана, сколько в том, что полуструктурированное интервью часто является сфокусированным на ситуации, а слабоструктурированное сфокусировано на теме, которая может быть связана с очень разными ситуациями.

О полуструктурированном интервью и фокус-группах подробнее см. [9; 12; 13].

Парадоксально, что большая стандартизация процедуры исследования может вести к меньшей его валидности, так как заранее подготовленные вопросы ограничивают возможные ответы, т. е. мы можем получить предвзятые ответы на предвзятые вопросы. Конечно, более открытые вопросы дают возможность респондентам выходить за пределы предполагаемых интервьюером рамок.

СЛАБОСТРУКТУРИРОВАННОЕ ИНТЕРВЬЮ

Это интервью особенно полезно, когда мы приступаем к исследованию малоизученного в психологии феномена. Имеет смысл такое интервью и в том случае, если мы считаем, что нынешние исследования в какой-то области излишне базируются на теоретических разработках и следствиях из теоретических гипотез при недостаточной разработке эмпирической области. Мы уже отмечали, что многие эмпирические исследования в психологии разрабатываются и проводятся для проверки гипотез типа Б и В – о связи и каузальных отношениях. Однако в них могут быть включены только те аспекты реальности, которые были уже описаны и наличие которых было практически постулировано. Причем эти исследования ограничиваются наличием связи между тем, что мы уже включили в гипотезу, и никак не могут выявить какие-то другие аспекты изучаемых явлений.

Обнаружить что-то новое нам могут помочь только наблюдения, качественные интервью или качественные (полевые) эксперименты. То есть иссле-

дования, где мы задаемся вопросами – что это такое, какие аспекты явления могут быть обнаружены, что будет происходить в каких-то ситуациях, как люди воспринимают что-то, как они относятся к тем или иным аспектам жизни?

Среди психологов нередко принято противопоставлять не только психологические исследования естественно-научным (что в значительной мере часто свидетельствует о слабых представлениях некоторых психологов о естественно-научных исследованиях), но и «научную» и «обыденную» психологию. Это вполне разумно и обоснованно, если речь идет об интерпретации, обобщении и объяснении данных. Но, к сожалению, психологи часто отмечают «обыденную» психологию в качестве источника конкретного феноменологического материала, характеризуя эти данные как «ненаучные». Но, собственно говоря, что же тогда должна обобщать и пытаться объяснить научная психология, как (по крайней мере, отчасти) не феномены психологии обыденной? А как можно получить картину этой обыденной феноменологии, если не с помощью методов качественных? Слабоструктурированное интервью направлено именно на получение максимально разнообразной картины этой «обыденной» феноменологии.

Хотелось бы сделать еще одно замечание по поводу порой презрительно-го отношения «ученых» психологов к психологии обыденной. Нередко приходится сталкиваться с тем, что, с одной стороны, психологи создают свои методики исследования, базируясь на порой крайне ограниченных представлениях теории, когда уже заранее исследование ограничивается выявлением гипотетически выделенных аспектов психологической реальности, и лишая себя возможности обнаружить что-то, что выходит за рамки этих гипотез. С другой стороны, психологи часто не замечают того, что за научные представления выдают собственные столь же ограниченные субъективные «обыденные» представления, подкрепленные иногда некоторыми наукообразными рассуждениями. Возьмем, например, исследования семьи. Что считать семьей «функциональной», а что – «дисфункциональной», психологом часто определяется в соответствии с собственными особенностями воспитания и своей культуры. Или представление о семейных ролях или функциях ограничивается теми, которые субъективно, во многом базируясь на своих обыденных представлениях, придумывает или вычленяет психолог. Но чем тогда его представления отличаются от «обыденных»? Может быть, только тем, что не психолог чаще осознает, что высказывает только собственное мнение или отношение, а психолог принимает его за «научное»? Например, при исследовании феномена одушевления вещей отметим, что сразу же все психологи дружно связывали этот феномен с одиночеством, и только в ходе проведения слабоструктурированных интервью обнаруживали, что этот феномен в том или ином виде встречается в жизни почти каждого.

Да, слабоструктурированное интервью направлено на максимально широкое описание феномена, его особенностей, возможно, некоторых представлений о связях и причинах. Оно не дает ни картины статистической распро-

странности представлений, ни доказанных связей между разными аспектами. Но без получения той разнообразной картины мы рискуем получить очень урезанную. Вместо изучения психологии людей, их представлений, установок, взглядов, ценностей и мнений мы ограничиваемся изучением психологии психологов, их мнений, взглядов, представлений, установок.

Порой кажется, что многие уже хорошо вроде бы исследованные области психологии не избежали этих ограничений. Поэтому представляется полезным вернуть в психологию внимание к явлениям психологии «обыденной», к наблюдениям, слабоструктурированному интервью (которое, по сути своей, ближе к клинической или психотерапевтической беседе, чем к тесту или анкете), качественному эксперименту (полевому, клиническому, социально-психологическому). Слишком мало у нас еще феноменологических данных, чтобы ограничиваться в исследованиях чисто теоретической базой, слишком во многом еще наши теории – скорее гипотезы, дополненные порой субъективными «обыденными» мнениями психологов.

Практическая работа

ВЫБОР ТЕМЫ (ПРОБЛЕМЫ) КАЧЕСТВЕННОГО ИНТЕРВЬЮ

Рекомендуем в случае индивидуальной работы тему для интервью брать в соответствии с научными интересами студента, т. е. близкую теме ВКР или курсовой работы (например, тема ВКР – «Связь удовлетворенностью браком с типом распределения власти в семье», тема для качественного исследования с помощью интервью – «Распределение власти в семье»).

В случае если планируется использовать качественные интервью в коллективном совместном исследовании, можно предложить ряд примерных тем на выбор групп. Например: «Доверие к информации, получаемой в интернете», «Место и функции собаки в современной городской семье», «Феномен апатичности молодежи» (или политизированности – по желанию студентов), «Представления о «наведении порчи» и отношение к ней», «Особенности общения в соцсетях», «Представления об «идеальной» работе» и т. д. По сути дела, при планировании качественного феноменологического исследования обнаруживается, какая незначительная часть психологической феноменологии, не связанной с патологией или бизнесом, исследована или даже просто описана. Важно, чтобы тема оказалась интересна студентам, так как основа хорошо проведенного исследования – интерес исследователя к теме.

ПЛАНИРОВАНИЕ И ПОДГОТОВКА СЛАБОСТРУКТУРИРОВАННОГО ИНТЕРВЬЮ

Итак, первое, что мы определяем – какая область, явление, ситуация, свойство нас интересует. Конечно, мы могли бы использовать наблюдения. Но нас в психологии часто интересует, как люди воспринимают те или иные явления.

Цель слабоструктурированного интервью – наиболее полное описание изучаемого явления. Иногда говорят о теме интервью (см., например, С. Квале [9]). Однако нам кажется использование слова «тема» в данном контексте не слишком удачным, так как оно либо остается чересчур размытым, как в литературе и журналистике (можно очень по-разному ее представить), либо слишком ограниченное, как в стремлении очень четко сформулировать тему квалификационной работы.

При этом исследования все-таки обычно начинаются не с темы, а с формулировки проблемы. Причем для интервью подходит очень широкая формулировка проблемы (например: «Каково место и функции собаки в современной городской семье?», или «Каковы особенности феномена разговора взрослого человека с вещами, вообще, что это за явление – "одушевление вещей"»?), или «Что такое доверие в межличностных отношениях?»).

Итак, слабоструктурированное интервью помогает нам эмпирически исследовать некоторое недостаточно, по нашему мнению, разработанное в психологии явление.

Отметим важную особенность такого интервью – осознанное использование взаимодействия интервьюера и респондента. В отличие от тех исследований, где психологи стараются быть максимально «объективными», снизить свое влияние на результаты исследования, полагая, что тем самым мы приближаемся к идеалу естественных наук, или от тех, где психологи утверждают собственную уникальность, полагая, что единственно в их случае «в отличие от естественных наук» исследователь всегда субъективен и влияет на результаты (так называемый эффект экспериментатора – см., напр. [4]), мы считаем, что давно пора признать: любое измерение, простая фиксация наличия объекта наблюдения оказывает на него влияние. Физики столкнулись с этим в области изучения элементарных частиц (точнее, в квантовой физике). Это связано не с недостатками эксперимента. Это элементарное и очевидное проявление того, что все, что мы можем узнать о природе, мы узнаем только в процессе взаимодействия, которое, естественно, меняет само явление.

Поэтому в слабоструктурированном интервью мы принимаем наличие такого влияния, взаимодействия как важный аспект метода, помогающий исследованию. Именно в процессе взаимодействия интервьюера и респондента проясняются самые разные аспекты изучаемого феномена, на которые порой ни тот, ни другой ранее не обращали внимания.

После того, как мы определили, что собираемся исследовать различные аспекты некоторого явления посредством качественного слабоструктурированного интервью, мы должны определить выборку.

В принципе возможно исследование с использованием единственного интервью с единственным респондентом, но подобное исследование будет ближе к диагностическому. Оно направлено на исследование особенностей респондента или его и только его представлений о каком-то явлении.

Мы в данном случае рассматриваем другую ситуацию – использование интервью для изучения не отдельного респондента, а феномена, т. е. нас ин-

тересуют не ответы конкретного респондента, а максимально широкая и разнообразная совокупность ответов возможных респондентов. Как же в таком случае формируется выборка? Своеобразие формирования выборки для получения максимального охвата различных представлений о различных аспектах изучаемого исследования состоит в том, что мы, по сути дела, отказываемся от принципа репрезентативности в пользу принципа разнообразия. Наша задача – выбирать максимально различающихся респондентов. Конечно, из генеральной совокупности тех, чьи представления имеют отношение к исследуемому феномену. То есть, если мы планируем исследовать, например, феномен школьного буллинга, мы должны ограничиться теми, кто учился или учится в школе; если хотим исследовать феномен работы ради зарабатывания денег на отпуск, мы должны ограничиться работающими или как минимум работавшими ранее (но может быть важным и мнение тех, кто сам еще не работал, но ищет работу, а также детей, чье представление о работе формируется на основании того, что они видят и слышат от родителей). Но среди этих людей для интервью мы стараемся выбрать тех, кто сможет нам дать наиболее расходящиеся взгляды.

Отметим, что, если, исследуя, например, такое явление, как наличие «изгоев» в подростковых группах, мы ограничимся только опросом самих подростков, мы можем упустить важную информацию, которую они еще не осознают, не отрефлектировали. Иногда только вернувшись через много лет к тем проблемам, взрослый человек может осознать то, что они значили для его жизни. Нас интересуют не наиболее распространенные ответы, а максимально представляющие все возможное разнообразие взглядов. По сути дела, выборкой для дальнейшего анализа будут не респонденты, а совокупность их ответов. Но мы, чтобы не вносить путаницы, будем продолжать называть выборкой испытуемых. Итак, основой принцип – разнообразие респондентов. То есть мы как минимум постараемся выбирать респондентов, различающихся по полу, возрасту, образованию, социальному статусу, национальности, профессии и т. д. В каждом конкретном случае это будет своя выборка.

Следующий вопрос – о размерах выборки. И снова неожиданность. Размеры выборки будут определяться не закономерностями, выявленными математической статистикой. Правило совершенно иное. Мы не знаем размеры выборки, пока не начали проводить исследование. Только в ходе исследования мы определим достаточное количество материала, т. е. сможем ограничить размеры выборки. Как правило, интервью продолжают проводиться до тех пор, пока они приносят новые данные. Кстати, даже если у вас будут очень разные респонденты, уже после 8–10 интервью вы обнаружите, что большая часть информации повторяется. Напоминаю, в слабоструктурированном интервью наша задача – получить как можно более полное описание явления, а не наиболее распространенные ответы. Мы исследуем не то, «как обычно», а «как вообще может быть».

Качественное интервью может успешно использоваться в коллективных совместных научных или учебно-научных исследованиях. Вполне возможно

участие нескольких респондентов в сборе феноменологического материала. При проведении качественных исследований мы стремимся не к стандартизации процедуры, а к максимальному охвату всех сторон феномена.

Таким образом, планируя выборку для исследования, стараемся определить наиболее разнообразную группу испытуемых.

С кого начать, кого выбрать в качестве первого респондента? Рекомендуем начинать интервью с тех испытуемых, с кем вам проще разговаривать, но кто примет «правила игры», не «переигрывая». То есть тот респондент, взгляды которого вам действительно интересны, с кем вы можете и хотели бы их обсуждать, но при этом тот, кто не будет слишком доминировать и переводить разговор на другое. Так, интервьюировать близких друзей или родственников иногда может оказаться сложным. Но не невозможным! (Очень жаль, что в учебной и научной литературе пока не принято ставить смайлики – здесь бы не помешало.) Иногда первые интервью спокойнее провести именно с близкими, чтобы потом «провести работу над ошибками» и внести в процесс изменения, которые покажутся полезными. Однако имейте в виду, что в процессе интервью порой вы можете выйти на очень личные вопросы, которые вам может быть неудобно обсуждать с близкими (или им неудобно обсуждать с вами).

Слабоструктурированное интервью все-таки требует определенного плана для проведения.

Помимо выборки заранее планируются время проведения, место, варианты записи. Вам предстоит договориться с респондентом о месте и времени проведения интервью с учетом того, что оно может занять от 40 минут до полутора часов. Договоривайтесь о времени с запасом, чтобы концовка интервью не оказалась скомканной из-за спешки. Конечно, никаких четких ограничений по времени нет, но опыт показывает, что если интервью длится менее 30 минут, то респонденты иногда просто не успевают «разговориться», и многие важные моменты остаются «за бортом». В то же время, если интервьюер и респондент увлеклись темой интервью, оно может продлиться и дольше.

Заметим, что при необходимости интервью с одним и тем же респондентом может быть продолжено спустя некоторое время, если интервьюер при анализе обнаружил, что не прояснил какие-то вопросы и хотел бы их уточнить у данного респондента. Хотя своеобразие слабоструктурированного интервью именно в том, что вопросы, не уточненные у одного респондента, могут быть заданы другим. Но никаких ограничений (кроме возможности респондента) на проведение дополнительных интервью нет.

К выбору места подход также достаточно свободный. Важно, чтобы респонденту и интервьюеру было удобно, а главное, чтобы никто не мешал проведению интервью, то есть посторонние отсутствовали. Рекомендуем договориться о выключении смартфонов, чтобы интервьюер и респондент не отвлекались, так как разговоры на посторонние темы могут оказаться фактическим

завершением интервью и потребовать больших усилий для возвращения к теме.

Обязательно должна вестись полная запись интервью. Мы считаем, что наиболее адекватной является аудиозапись. К аудиозаписи, использованию диктофонов и смартфонов сегодня многие уже привыкли. Хотя иногда в начале интервью стоит потратить некоторое время на простую болтовню, чтобы респондент перестал обращать внимание на диктофон. Видеозапись, конечно, могла бы при анализе дать больше материалов относительно эмоциональной реакции респондента, невербальных ответов, однако использование камеры слишком сильно меняет поведение и речь респондентов. Поэтому мы не рекомендуем использовать видеозапись без особой необходимости.

Сегодня все чаще в самых разных местах мы видим указатели «Ведется видеозапись». Вполне вероятно, что уже через несколько лет наши замечания о влиянии видеозаписи на поведение и речь респондентов перестанут быть актуальными. Именно так уже практически произошло с аудиозаписью. Аудиозапись настолько предпочтительнее ведения письменной записи интервью, что об этом не имело бы смысла говорить, но мы рекомендуем интервьюеру в процессе интервью при необходимости делать письменные пометки для себя. Во-первых, они помогут вернуться позднее в ходе интервью к каким-то моментам, которые показались важными, но на которые было неудобно отвлекаться. Во-вторых, они могут пригодиться при подготовке следующего интервью или при анализе – т. е. это могут быть собственные комментарии и заметки интервьюера.

Далее следует продумать, как именно вы будете объяснять респонденту цель и (или) тему вашего интервью. В одних случаях можно просто озвучить тему и цель исследования, и этого оказывается достаточно для того, чтобы начать интервью. Например, при исследовании места собаки в современной семье респондентам так и говорили: «Мы хотим исследовать место и функции собаки в современной городской семье. Раньше собак держали для охраны, для охоты, чтобы пасти скот. Но сейчас, в городе по крайней мере, этого от собак не требуют. Так зачем держат собак сейчас?». И дальше переходили к самому интервью.

В других случаях тема интервью сама по себе испытуемому может быть не очень понятна и даже вызвать отторжение. Например, только недоумение вызывала у респондентов без пояснений тема «Феномен одушевления вещей», а пояснение «бывает, что люди разговаривают с вещами» могло вызвать даже такую реакцию: «Знаете я стесняюсь говорить об этом, а то вы мне там еще диагноз поставите, что я дебил какой-то. Не хочу свою старость в психиатрической больнице провести». В таких случаях вначале привести какой-то пример (можно и из своей жизни), чтобы показать, что имеется в виду, а также то, что вы к изучаемому явлению относитесь совершенно нормально и не пытаетесь ставить диагноз. (Например, когда долго работает компьютер и он начинает тормозить... люди некоторые бьют по нему и гово-

рят: «Ну, давай уже быстрее работай». Или некоторые говорят, что «собака – это настоящий член семьи».)

При подготовке к проведению слабоструктурированного интервью предварительно планируется задать некоторые вопросы. Первый и основной вопрос в качественном слабоструктурированном интервью, собственно, касается того феномена, который мы хотим исследовать. И звучать он, скорее всего, будет именно так – «Что такое...?». Но дальше мы будем уточнять: «Бывало ли это в вашей жизни, приведите примеры», «А в жизни ваших знакомых?», «Где еще вы с этим сталкивались?». Заметим, что, формулируя тему исследования, мы часто используем существительные: «доверие в межличностных отношениях», «языковая тревожность», «отношения власти в семье», но в реальной жизни все эти феномены выступают как процессы, отношения, деятельность. Поэтому и вопросы лучше формулировать, переходя от существительных к глаголам, спрашивать о действиях, отношениях и процессах, а не об объектах: «Доверяли ли вы кому-нибудь, доверяли ли вам?»

Далее, планируя интервью, после объяснения его предмета следует начинать с конкретных случаев.

Если вы начнете интервью с вопросов о проблеме «в общем виде», велик риск, что на протяжении всего интервью респонденты будут стараться давать обтекаемые ответы «в общем». Нас прежде всего интересует конкретика, феноменология, а не теоретизирование неспециалиста на незнакомую ему тему.

При планировании фокус-групп часто рекомендуют прямо противоположное – начинать с общих вопросов, переходя к более конкретным. Но это только кажущееся отличие, так как при проведении фокус-групп ситуация уже конкретизирована, и общие вопросы касаются конкретной ситуации или конкретного случая. При проведении качественного слабоструктурированного интервью мы заранее не планируем для рассмотрения конкретный заданный случай. Потому и вопросы – о конкретных случаях из жизни респондента.

После появления конкретного примера мы начинаем еще больше конкретизировать. В самом общем виде мы задаем вопросы, касающиеся деталей: где, когда, при каких условиях, с кем, что именно происходило; в каких ситуациях, при каких условиях действия, реакции, отношения были иными. То есть сначала мы проясняем конкретные действия и реакции и конкретные условия, при которых они происходят: в чем проявляется доверие? Кому? При каких условиях? Далее мы можем уточнить необходимые и достаточные факторы. После этого можно переходить к причинам (почему) и последствиям (к чему приводит) или целям (для чего, ради чего).

После того, как прояснили случаи из жизни данного респондента, выясняем, когда бывает иначе, какие факторы на это влияют. А затем говорим и о различии субъектов – просим привести примеры из жизни других людей. И так же детально анализируем.

В самом общем виде вопросы выглядят следующим образом: что, кто, когда, где, по отношению к кому или чему, при каких условиях, что поддержи-

вает, что мешает, как реагирует, какие чувства, мысли, действия, почему, зачем, к чему приводит?

По сути дела, мы стараемся коснуться вопросов, которые представители самых разных психологических подходов считают важными. Вопросы, связанных с поведенческим подходом: каковы стимулы, какие реакции, что подкрепляет, усиливает? Вопросы, связанных с психоаналитическим подходом: почему, когда раньше? Когнитивных вопросов – что подумал, какие первые мысли, о чем подумал потом? Вопросы «обоснованной теории» – при каких условиях, какие факторы влияют, что происходило, кто, почему, каковы последствия? Задавая вопросы, мы стараемся получить как можно более детальную и широкую картину, на первых порах не ограничивая себя какой-либо объяснительной парадигмой.

Объяснительная парадигма – вещь нужная, но прежде, чем объяснять и решать, как объяснять, надо найти, что объяснять. Очень полезно собирать материалы, которые позволят использовать далее триангуляционный подход при анализе и интерпретации данных. Ну, или привлечь к анализу полученных данных представителей разных подходов.

Таким образом, структурированность слабоструктурированного интервью заключается в том, чтобы, во-первых, помнить цель – получение максимально разнообразной и широкой информации о феномене; во-вторых, начинать с вопроса о конкретном случае; в-третьих, помнить в общем виде вопросы, с помощью которых можно получить более полную картину явления.

Практическое задание ПЛАНИРОВАНИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

В случае группового исследования полезно совместно определить характеристики респондентов, которых будет опрашивать каждый студент. Так как мы стремимся к разнообразной широкой выборке, рекомендуем заранее спланировать, кто может «найти» подходящих респондентов, чтобы были охвачены испытуемые разного пола, возраста, уровня образования, профессиональной подготовки и т. п. (иначе есть риск, что исследование будет касаться только студентов-психологов).

В случае, если исследование проводится индивидуально, выбор респондента может быть практически любым, однако надо оставить возможность студенту при желании и при согласии научного руководителя продолжить качественную исследовательскую работу по выбранной теме в рамках ВКР.

В соответствии с рекомендациями, данными выше, следует спланировать время, место, организацию проведения интервью, а также объяснение для респондента целей интервью и в общем виде – основные вопросы (на нормальном быденном языке, а не на психологическом жаргоне).

ПРОВЕДЕНИЕ ИНТЕРВЬЮ

Поведение интервьюера. Главная задача интервьюера в качественном интервью – быть заинтересованным. В противоположность призывам к сохранению «объективности», «нейтральности», «безоценочности», подчеркнем, что для максимально информативного интервью от интервьюера требуется прежде всего интересоваться предметом исследования. При этом часто говорят о «непредубежденности». Скажем так, вряд ли мы можем ожидать, что у интервьюера не будут появляться какие-то собственные мысли и отношения к объекту исследования. Главное, чтобы он понимал, что не знает, как к этому относится и что об этом думает респондент. Т.е. непредубежденность в данном случае – не отсутствие своих представлений о каком-то объекте, а понимание, что он не знает, что об этом думает и как к этому относится респондент. Вот интерес к тому, как «по-другому» можно воспринимать реальность и относиться к ней, должен быть постоянным в работе интервьюера. «Я не знаю и не представляю, как вы к этому относитесь и как вы это представляете, но мне это очень интересно». Важно, чтобы интервьюер не пытался получить «хорошие», «правильные» ответы. Любые ответы хороши и правильны. Исходный пункт для интервьюера – мне интересно, но я не совсем понимаю. Уточняйте, переспрашивайте, детализируйте. Постарайтесь получить удовольствие от беседы.

Таким образом, в ходе беседы интервьюеру стоит выступать в роли заинтересованного хорошего слушателя. В принципе, есть простой критерий удачного интервью: респондент говорит значительно больше интервьюера, причем по теме, с примерами. Интервью оказывается по-настоящему качественным, если в ходе его изменились представления респондента и интервьюера относительно исследуемого феномена. Звучит это, возможно, чересчур претенциозно, однако такие изменения совершенно естественны, ведь респондент анализирует свои представления о феномене и отношения, о которых, вероятно, никогда раньше не задумывался, а интервьюер не имел представления о взглядах и представлениях других людей (респондента) об исследуемом феномене. Таким образом, вполне естественно, что происходят изменения представлений обоих участников интервью. Если ни один из них не осознал или не обнаружил что-то новое для себя, интервью может оказаться не слишком успешным. Хотя, возможно, просто взгляды респондента и интервьюера слишком близки, а тема не нова для них и уже ими неоднократно обсуждалась (опять хочется добавить смайлик).

Можно в ходе интервью использовать дополнительно разные приемы, разработанные как специалистами в области качественных исследований и проведения интервью, так и представителями разных направлений психотерапии и консультирования. Однако чрезмерный акцент на технике в первых интервью может привести к недостаточному вниманию и интересу к содержанию интервью и усложнить работу интервьюера. Мы далее приведем при-

меры некоторых приемов и предложим ссылки для знакомства с другими, но хочется отметить, что не существует правильного или неправильного проведения интервью. Могут быть более или менее успешные, более или менее интересные интервью, но практически любое интервью дает возможность получить некоторые материалы по теме, а также послужить при анализе своего рода обратной связью, которая поможет улучшить, скорректировать дальнейшие интервью. Важно также помнить, что при необходимости или при желании можно повторно встретиться с респондентом и продолжить интервью или уточнить какие-то его аспекты. Качественное слабоструктурированное интервью не ставит технику и условия проведения выше содержания. Кроме того, если при анализе интервью возникли какие-то новые вопросы, их можно задать и другим респондентам.

При проведении интервью могут использоваться различные приемы ведения беседы, в частности, разные виды вопросов. В данном случае мы имеем в виду не четкие формулировки вопросов, а именно их типы. Существуют разные типологии вопросов. Общепринято говорить об открытых и закрытых вопросах, при этом под закрытым понимается вопрос, требующий ответа типа «да» или «нет», либо (в более широком смысле) вопрос, требующий односложного простого ответа (например: «Как тебя зовут?»), либо вопрос, требующий выбора ответа из ряда предложенных (как это часто бывает в тестах и анкетах). Открытый вопрос предоставляет респонденту возможность более широкого выбора не только ответа, но и даже направления ответа (например: «Что вы сегодня делали?»). Р. Мертон и др. выделяют вопросы разной степени структурированности:

«1. Неструктурированный вопрос (свободный с точки зрения и стимула, и реакции).

Например: "Что произвело на вас наибольшее впечатление в фильме?" или "Что было для вас наиболее интересным на конференции?".

2. Полуструктурированный вопрос.

Тип А: структурированный по реакции, свободный по стимулу. Например: "Что вы узнали из этого памфлета такого, чего не знали раньше?"

Тип В: структурированный по стимулу, свободный по реакции. Например: "Каковы ваши ощущения по поводу той части, где рассказывается об увольнении Джо из армии как психоневротика?".

3. Структурированный вопрос (по стимулу и по реакции). Например: "Исходя из того, что вы увидели в фильме, как вы считаете, была ли немецкая военная техника лучше, на том же уровне или слабее американской техники?" или "Когда вы слушали речь Чемберлена, вы воспринимали ее как пропагандистскую или информационную?" [13].

По сути дела, неструктурированный вопрос наиболее близок к тем, которые часто называют открытыми, структурированный – к закрытым. Мертон показал куда бóльшую гибкость. Конечно, на первый взгляд кажется, что слабоструктурированному интервью больше подходят неструктурированные

вопросы. Однако полуструктурированные позволяют лучше понять, с какими аспектами ситуации респондент связывает те или иные особенности проявления феномена. Т.е. полуструктурированные вопросы в дальнейшем дают больше возможности использовать поведенческий подход при анализе и интерпретации данных. А структурированный вопрос полезен для некоторого подведения итогов, получения вывода из завершенного смыслового отрывка интервью. Тем самым он в определенной степени позволяет проводить валидизацию данных в ходе самого интервьюирования.

Очень важно в ходе интервью наблюдать и за изменениями состояния респондента. При заметном изменении его состояния может быть полезно (вспомнив гештальт-терапию) спросить: «Что сейчас происходит?», и даже «Что вы сейчас чувствуете?». Это, кстати, помогает лучше понять реакции или установки респондента по отношению к каким-то аспектам феномена. Но потом неплохо обратиться и к когнитивному подходу, уточнив, о чем клиент подумал, что для него значит эта мысль или что бы для него значило, если бы то, о чем он подумал, оказалось истинным.

Психологи и изучающие психологию в значительной степени склонны заявлять о своей приверженности в консультировании клиент-центрированному гуманистическому подходу К. Роджерса. К сожалению, именно проведение исследовательского качественного интервью часто наглядно демонстрирует злоупотребление психологами, казалось бы, самым недирективным приемом этого подхода – повторением слов респондента и перефразированием их («Я правильно понял, что...») или «Т.е. вы хотите сказать, что...»). Такие вопросы часто по сути оказываются закрытыми и как бы резюмирующими (и в случае внимательного интервьюера ответом служит просто «да») и могут вызывать некоторую остановку в интервью.

В ходе интервью исследователю приходится решать целый ряд задач, связанных с необходимостью поддерживать и развивать контакт с клиентом, собирать содержательный фактический материал по теме исследования, контролировать и структурировать ход интервью, проверять валидность возникающих в ходе интервью предположений. Для решения этих задач могут использоваться разные техники, однако на практике все эти приемы и техники пересекаются. Наиболее полное их описание, на наш взгляд, предложено замечательным психотерапевтом Дж. Бьюдженталем в его классификации межличностного давления [8].

Установлению и поддержанию контакта способствуют все приемы эмпатического слушания. Сюда можно отнести приемы «наведения мостов» («угу», «да-да», кивки), побуждение говорить [8]. Может быть полезно и повторение отдельных слов респондента – эхо, или отражение [2].

Для структурирования могут использоваться непосредственное и общее структурирование, предложение тем, выбор части высказывания респондента, узкие вопросы.

Проверка валидности может проводиться как с помощью перефразирования, так и путем подведения итога части интервью, испытываемому могут

предлагаться и более субъективные интерпретации его высказываний интервьюером, гипотезы, возникшие у интервьюера по ходу интервью.

Для получения собственно содержательной фактической информации могут использоваться прямые и косвенные вопросы, уточнения. Особенно полезными могут быть просьбы расширить высказывание, рассказать поподробнее, конкретизировать те или иные аспекты высказывания. Напоминаем, что полезны вопросы с использованием практически всех вопросительных слов родного языка (кто, что, где, когда, при каких условиях, зачем, почему, ради чего. Ну и затем: когда еще, где еще, или: а когда не так, при каких условиях иначе, бывает ли по-другому и т. д., и т.п.). Очень важно отслеживать интонации респондента, паузы, которые он делает, акценты, неожиданные слова. В этих случаях бывает полезно повторить слова респондента, чтобы он их сам услышал, но с вопросительной интонацией. Повторяя слова респондента, интервьюер может интонационно выделять разные слова, предлагая респонденту уточнить, конкретизировать тот или иной аспект рассказа.

Особенно хотелось бы коснуться пауз или молчания. Хотя некоторые авторы считают паузы и молчание простым приемом и даже Бьюдженталь помещает его в начало шкалы межличностного давления как прием наименьшего давления, на наш взгляд, прием порой довольно сложный для начинающего интервьюера (далеко не все психотерапевты и консультанты с опытом легко могут «держать паузу», а у начинающего интервьюера вообще может возникнуть ощущение «провала», неудачи), но при этом способный оказывать довольно сильное давление на респондента, заставляя его начать говорить. Но этот прием не стоит использовать в начале исследовательского интервью, пока респондент еще не «включился» в ситуацию. А вот позднее, когда респондент уже начал брать на себя активность, он может быть очень полезен.

Практическое задание

ПРОВЕСТИ ИНТЕРВЬЮ НА ЗАПЛАНИРОВАННУЮ ТЕМУ С КОНКРЕТНЫМ ВЫБРАННЫМ РЕСПОНДЕНТОМ

В Приложении 1 приведен пример феноменологического слабоструктурированного интервью, проведенного в рамках коллективного исследования феномена одушевления вещей Юлией Ефимовой (на тот момент – студенткой 4-го курса факультета психологии и педагогики АСОУ).

Длительность интервью может сильно различаться в зависимости от темы исследования и от респондента. В качестве примерных рамок укажем 30 минут – 2 часа. Вряд ли меньше, чем за 30 минут удастся достаточно подробно раскрыть практически любую тему, заслуживающую использования метода качественного интервью. С другой стороны, не стоит затягивать интервью более, чем на 1,5 часа. Если вы считаете, что еще много аспектов феномена не обсудили, вероятно, стоит договориться о повторном интервью для про-

должения обсуждения. В конце интервью необходимо запланировать некоторое время на дополнительные вопросы и высказывания. После выключения диктофона нужно уточнить, не хочет ли респондент что-либо добавить (иногда диктофон все-таки может ограничивать свободные высказывания людей). Какие-то вопросы могут появиться и у респондента. Также после завершения интервью следует получить у респондента согласие на возможное использование интервью (естественно, анонимно) в отчетах, публикациях, на занятии. Если респондент выразит желание, какая-либо часть интервью может быть исключена.

По завершении интервью рекомендуем сразу же записать свои впечатления, идеи, комментарии, вопросы. Кстати, мы считаем, что во время интервью также допустимо и полезно вести какие-то записи. В данном случае мы имеем в виду не ведение детального протокола, а запись «для памяти» отдельных идей, вопросов, комментариев, которые в тот момент могут отвлечь от обсуждаемого вопроса, но к которым можно вернуться позднее в ходе интервью.

По завершении интервью необходимо расшифровать его.

РАСШИФРОВКА ИНТЕРВЬЮ

Расшифровка интервью – это перевод его из устной в письменную (печатную) форму, из устного разговора, дискурса в письменный текст. Само по себе распечатывание интервью – процесс трудоемкий, занимающий больше времени, чем интервьюирование. При этом в случае буквального дословного распечатывания интервью возникает ощущение косноязычия и интервьюера, и респондента. Пусть вас это не пугает, этот эффект связан со значительными различиями между устной и письменной речью. Если целью исследования не является изучение лингвистических особенностей речи респондентов, допустимо опускать какие-то междометия, исправлять согласование слов, т. е. слегка «приглаживать» текст, делая его более удобным для чтения. Однако, на наш взгляд, лучше делать это позднее, при подготовке заключительного анализа, где используемые примеры – цитаты – могут быть «сглажены», приведены в более удобную для чтения форму. Для первоначального анализа же вполне подходит и более «косноязычный» текст с междометиями, отдельными звуками («мгм», «кх-кх», «хи-хи»), а также с указанием в скобках пауз или особенностей интонаций («смеясь», «очень тихо» и т. п.).

В общем, на первых порах лучше взять за правило расшифровывать интервью как можно детальнее. Единственное, что допустимо – не включать в расшифровку части интервью, очень далеко ушедшие от его темы. Чаще всего они связаны либо с потерей интервьюером контроля за интервью, когда респондент фактически меняет тему, а интервьюер послушно следует за ним, либо с переходом респондента и интервьюера к обсуждению интересных им обоим вопросов, не связанных с интервью. Такие отрывки интервью могут не

расшифровываться. Однако если обсуждение имеет хотя бы косвенное отношение к исследуемой теме, его следует расшифровать.

Хочется предупредить, что распечатывание интервью неслучайно называют расшифровкой или переводом. Человеку, осуществляющему этот процесс, приходится не только вносить порой свою интерпретацию нечетко сказанных слов, но и субъективно расставлять знаки препинания. Для дальнейшего чтения и анализа в отсутствие звукового материала от расстановки знаков препинания может принципиально меняться смысл сказанного. Хочется напомнить классическую фразу, иллюстрирующую роль места запятой: «Казнить нельзя помиловать». Общение в соцсетях и мессенджерах сформировало у многих привычку вольного обращения со знаками препинания. Видимо, с этим связаны значительные сложности, испытываемые студентами в расстановке соответствующих диалогу знаков препинания при расшифровке интервью. Когда интервью расшифровывает сам интервьюер и только он затем осуществляет анализ, это еще не так заметно. Однако если текст читает другой аналитик, смысл для него может оказаться утрачен. Подробнее о проблемах расшифровки интервью см. в работе С. Квале [9].

КОДИРОВАНИЕ И АНАЛИЗ ИНТЕРВЬЮ

Для анализа качественных слабоструктурированных и полуструктурированных интервью могут быть выбраны один или несколько стратегических подходов. Какой бы подход мы ни выбрали, это всегда будет отчасти интерпретация в соответствии с нашими общими теоретическими взглядами. В данном случае мы не ставим задачей углубляться в разные виды интерпретации результатов, оставаясь в какой-то степени на уровне начального феноменологического анализа. Однако мы упомянем о двух подходах, где интерпретация при анализе материалов интервью играет ведущую роль. Это психоаналитический подход и подход герменевтический. На наш взгляд, психоаналитический подход не только требует особого построения и проведения интервью, но и предполагает слишком значительную исходную предубежденность исследователя, которая, вероятно, может быть полезна в терапевтическом плане, но в научном лишает нас всех преимуществ качественного слабоструктурированного интервью – выявления нового.

Герменевтическая интерпретация в соответствии с ее канонами предназначена для анализа литературных текстов. Если рассматривать некоторые понятия герменевтики не очень строго, то они естественно включаются в процесс качественного анализа материалов. Так, понятие герменевтического круга как движения от целого к части и от части к целому в процессе анализа оказывается очень полезным для описания процесса анализа. На использование метода герменевтической интерпретации при качественном анализе интервью указывает, например, С. Квале [9]. Однако качественное слабоструктурированное или полуструктурированное интервью все-таки не является ав-

торским текстом. В процессе интервью интервьюер и респондент выступают, скорее, как соавторы, поэтому вряд ли стоит всерьез говорить о герменевтической интерпретации при анализе психологических интервью. Конечно, можно рассмотреть текст интервью как написанный соавторами, и уже некий третий исследователь может его интерпретировать, но пока что мы не сталкивались с такими вариантами анализа и не будем, по крайней мере здесь, пытаться его разработать.

Есть подходы, планирование использования которых требует особого проведения интервью. Это касается нарративной интерпретации. Нарративное интервью первоначально являлось интервью биографическим, в значительной степени оно таким и остается. При проведении нарративного исследования респонденту вначале предлагают тему для рассказа, а затем задают специальные вопросы, касающиеся сюжета, персонажей, хронологической последовательности событий, переломных моментов и т. д. (о нарративном интервью см., напр., [11]). Иногда элементы нарратива появляются в качественном интервью, не имеющем специальной нарративной направленности. Мы рекомендуем при анализе обратить внимание на спонтанно возникающие иногда в интервью длинные отступления или какие-то истории, которые выглядят связанными или не связанными с темой интервью. При появлении таких рассказов или отвлечений стоит постараться отнестись к ним как к отдельному нарративу и постараться выявить его нарративную структуру – фабулы, сюжет, героя, персонажей, хронологию, ключевые моменты и т. п. Выявление сюжета и ключевых моментов как минимум помогает нам увидеть процесс развития.

Еще один подход, требующий проведения интервью в соответствии с планируемым анализом, связан с предварительным дедуктивным определением категорий для последующего анализа. Эти категории могут быть связаны с теоретическими взглядами исследователя. Например, могут использоваться бихевиористские категории стимула, реакции, подкрепления (или стимулы до поведения, описание поведения, что было после поведения, как в поведенческом анализе), как и категории любого другого психологического подхода. Но, пожалуй, чаще эти категории используются несколько позже – на стадии интерпретации. Если мы стараемся получить наиболее полную картину феномена без ограничений, которые вносит любая психологическая теоретическая концепция, мы используем, осознанно или нет, некоторые общенаучные категории. Когда мы обсуждали возможные вопросы при планировании интервью, мы, по сути дела, обращались к этим категориям. Эти категории мы находим, например, в различных вариантах подхода обоснованной теории под названием теоретических кодов (у Б. Глезера), таких как причина, функция, структура, процесс [2], или осевого кодирования (у А. Струсс и Дж. Корбин [15]), включающего такие категории, как каузальные условия, феномен, контекст, промежуточные условия, стратегии действия–взаимодействия, следствия [15]. Как минимум это могут быть такие категории, как: типы

или виды (субкатегории) феномена, причины (в других случаях – факторы), следствия, развитие, условия, результаты или исходы, последствия, или категории систем, подсистем, связей, процессов, взаимодействия, противоречий и т. д.

Другие категории и коды анализа появляются индуктивно, выявляются в процессе анализа частых конкретных проявлений феномена. В подходе обоснованной теории их называют субстантивными кодами (Глезер) или открытым кодированием (Страусс и Корбин). Это могут быть категории и индикаторы категорий в контент-анализе [1], темы в подходе тематического анализа [2] или же конденсация смысла в классическом феноменологическом анализе А. Джорджи [9].

В данном случае мы предлагаем сочетать разные приемы индуктивного и дедуктивного подходов.

Практическое задание КАЧЕСТВЕННЫЙ АНАЛИЗ ИНТЕРВЬЮ

1. На первом этапе мы предлагаем внимательно прочитать интервью, выделяя (подчеркивая, помечая маркером) все смысловые единицы, фрагменты, имеющие отношение к теме. Эта процедура близка первичному или построчному кодированию в методе обоснованной теории Чармэз [2]. Можно выписывать все первичные единицы, но так как они по стилю близки стилю респондента, то практически получается удвоение-утроение текста. Мы предлагаем ограничиться отметками в тексте. В результате текст выглядит примерно так.

(И) Ага. И как ты выбираешь человека, которому можно доверять?	
(Р) Это зависит от того, насколько долго я с этим человеком общаюсь, от того, как проходит это общение, были ли какие-то акты предательства, лжи, обмана и чего-то в этом духе.	
(И) Угу. Т.е. правильно ли я понимаю, что ложь уменьшает доверие?	
(Р) Ну да.	
(И) Если есть ложь, доверие разрушается.	
(Р) Ну, оно разрушается не полностью, но при этом его фундамент – да. Немножко подмывается.	

(Приведен отрывок из интервью, проведенного А. А. Фроловой в рамках дипломного исследования под нашим руководством по теме «Феномен доверия в межличностных отношениях»).

Или пример из интервью, проведенного Н. А. Кряжевой в рамках коллективного исследования студентов по теме «Феномен одушевления вещей»:

«Я: Сталкивался ли ты в своей жизни с одушевлением предметов, что можешь сказать по этому поводу?

И: Ну.... Бывает такое, что я разговариваю с предметами, но я не думаю, что они действительно являются одушевленными, но чтобы с ними разговаривать ..... да, бывает.

Я: А при каких обстоятельствах это обычно происходит?

И: Ну вот к примеру, когда начинает пищать микроволновка, я говорю ей: "Да я слышу, слышу". Сейчас я тебя выключу, только не пици". Или когда глючит Интернет, я могу с ним разговаривать, но это обычно когда я испытываю какое-то недовольство.

Я: А замечал ли ты, это происходит, когда кто-то есть рядом или когда ты один?

И: Нет, когда я один.

Я: А если бы кто-то был в комнате, ты бы стал разговаривать с чем-то?

И: Я бы смог, если бы был кто-то из очень близких людей, только близкое окружение.

Я: А близкое окружение для тебя что?

И: Люди, которые входят в мою зону доверия, которых я знаю достаточно долго, и они знают меня хорошо.

Я: А как ты сам относишься к людям, которые разговаривают с предметами при тебе?

И: Опять же, если так сделает кто-то из моего близкого окружения, где мы привыкли к такому, ну к таким явлениям, то это нормально, я не буду заострять на этом внимания, но если это какая-то деловая обстановка, то для меня это странно.

Я: Странно это как?

И: Хах..ну я бы просто посмотрел на них и подумал бы, что это ненормальное, странное поведение.

Я: Правильно ли я тебя поняла: для твоего близкого окружения данное явление является нормой?

И: Нет, ну не то чтобы нормой, просто я не заостряю своего внимания на этом и понимаю, что такое в принципе встречается в жизни и происходит скорее всего с каждым, и что если ты человека хорошо знаешь и у вас рамки общения друг с другом свободные, то уже не задумываешься над своей речью сильно, не так сильно фильтруешь то, что говоришь».

При первичном просмотре текста исследователь начинает выделять для себя основные смысловые моменты.

Отметим, что стоит выделять смысловые единицы не только из слов респондента, но и из реплик интервьюера. Напомним, что качественное интервью, по существу, совместное исследование феномена интервьюером и респондентом, поэтому мы можем считать интервьюера полноправным участником исследования.

2. На втором этапе анализа мы предлагаем использовать прием конденсации и тематического анализа. Повторно просматривая выделенные элементы текста, исследователь выделяет отдельные темы и формулирует их уже более стилистически нейтрально. Идет постепенный переход от стилистики разговора к стилистике научного исследования. Пока что на этом этапе нужно пересказать текст интервью, выделив основной смысл каждого отрывка, т. е.

осуществляя «конденсацию» смысла, как назвал этот прием один из пионеров качественного интервьюирования А. Джорджи [9].

В результате начнет появляться примерно такой текст:

«Некоторые считают, что доверие – это возможность поделиться не всем, но многим.

Для некоторых людей довериться в прямом смысле значит что-то рассказать, чем-то поделиться. Это важно, так как человеку нужно делиться своими переживаниями, мыслями.

Когда доверяют человеку, чувствуют, что ничего не хотят от него скрывать.

Доверять или не доверять человеку – выбирают, исходя из личного общения с этим человеком.

Доверие зависит от того, как долго общался и как проходило общение. Было ли предательство, ложь, обман.

Ложь доверие не уничтожает, но расшатывает, уменьшает».

3. Просматривая интервью еще раз, полезно начать осуществлять первые обобщения, выделяя некоторые более общие категории и навешивая им более научные «ярлычки». Примерно так:

Первичные категории (дословно из интервью)	Общие категории (обобщение)	Субкатегории (как подкатегории категории)
Ругаю предмет	Действие с предметами	Ругаю предмет
Обзываю предмет	Действие с предметами	Обзываю предмет
Хочу, чтобы работало	Цель	Чтобы работало
Когда дома, тороплюсь, опаздываю	Условие	Дома, тороплюсь, опаздываю
Когда необходимость	Условия	Необходимость
Могу одна разговаривать, могу с кем-то, люди меня не смущают	Отношение к другим, условия	Люди не смущают
При родителях выбираю слова	Связь с ситуацией, условия, действия	Выбираю слова
Что предшествует	Причинно-следственная связь	Предшествование
Вещь заработает	Ожидание	Вещь заработает
Мысль на психологическом уровне	Причина	Мысль
Я в это верю усиленно	Отношение	Вера
Настроение в этот момент	Состояние	Настроение
Раздраженное	Состояние	Раздражение
Только с техникой	Предмет/вещь	Техника
С мебелью	Предмет/вещь	Мебель
Дурацкий стул	Качество предмета	Дурацкий стул

(Таблица взята из промежуточного этапа совместного анализа в рамках исследования феномена одушевления вещей).

Затем можно редактировать текст, получаемый с помощью выделения тем и конденсации смысла, включая в него выделенные категории. Однако мы считаем, что этот шаг лучше делать несколько позже, после анализа 2–3 интервью.

4. После того, как предварительно проанализировано первое интервью (в случае исследования, проводимого одним исследователем), переходят к анализу следующего интервью. Первый шаг для всех интервью одинаков. На втором же шаге результаты конденсации и тематического анализа делаются уже не отдельно для каждого интервью, а добавляются к первому. Таким образом, мы получаем общее описание различных вариантов и аспектов феномена.

В случае группового исследования группа из нескольких исследователей совместно обсуждает и объединяет свои результаты анализа первого интервью. Очень важно совместное обсуждение, при котором уточняются формулировки, определяются категории. Тем самым текст становится более обобщенным, но при этом не утрачивает индивидуальных особенностей, характерных для феномена.

В получаемом по результатам анализа тексте очень важно избегать количественных оценок. Мы не проводим, по крайней мере пока, количественный статистический анализ. Поэтому лучше придерживаться нейтральных высказываний типа «одни считают так, другие так» или «некоторые предпочитают», лучше также говорить «иногда», избегая слов «часто» или «редко».

5. После того, как получен некоторый общий текст, его стараются структурировать, т. е. объединяются связанные общими категориями смысловые единицы, субкатегории объединяются в общие категории, также объединяются возможные варианты условий, действий, состояний и т. д., выстраиваются связи между различными категориями. Задача исследователя – найти осмысленную структуру текста, наиболее полно описывающего исследуемый феномен.

В результате получается примерно такой текст (из магистерского исследования распределения отношений власти в семье, проведенного М. Лазебной):

«Для понимания картины распределения власти в семье важными оказались ответы на следующие вопросы:

Кто ставит проблему, от кого исходит инициатива? Кто принимает окончательное решение? Существует ли возможность обсуждения? Кто является исполнителем? Чьи интересы являются приоритетными? Заявляют ли о своих желаниях открыто? Чувствуют ли себя вправе заявлять о своих желаниях и настаивать на них? Кто кого подталкивает при реализации решения? У кого больше прав? У кого больше ответственности? У кого больше обязанностей? У кого есть право вето? Если решение было неудачным, кто принимает вину на себя или считается виновным; кто за какие аспекты неудачи принимает вину? Кто осуществляет контроль над действиями другого, кто как относится к контролю, кто хочет контролировать?»

Другой пример – из коллективного исследования феномена одушевления вещей:

«Люди могут уговаривать вещи и просить их, если есть сложности в работе.

Несмотря на трудности, люди уговаривают или просят вещь "постараться".

Вежливый разговор может помогать самому человеку "держаться в руках", не нервничать сильно при неудаче или неполадках в работе.

Некоторые стараются разговаривать с вещами вежливо, так как считают, что как они будут обращаться с вещью, так и она с ними».

6. Исследование продолжается со всеми последующими интервью. После того, как получен осмысленный структурированный общий текст – конденсация всех проведенных интервью, текст наполняется конкретными феноменологическими примерами из интервью. Практически на каждое утверждение приводятся один-два подтверждающих их примера из интервью. Таким образом, мы получаем плотное описание изучаемого явления, насыщенное конкретной феноменологией.

Пример из исследования феномена одушевления вещей

Когда другие люди разговаривают в присутствии чужих, это может восприниматься как ненормальность. («Вы бы могли в присутствии других людей так поговорить с машиной? – В присутствии своей семьи – да. – А на работе? – Да Вы чё, я же солидный уважаемый человек, что обо мне подумают? Скажут, с катушек съехал, и выгонят меня с работы».)

Чтобы не выглядеть ненормальными, люди могут стараться разговаривать с вещами мысленно. («Вообще я стараюсь делать это крайне редко, потому что наблюдаю за мамой и бабушкой. Я, конечно, не хочу скатываться до такого уровня, чтобы разговаривать с предметами. Я стараюсь это делать в мыслях, но периодически у меня такое случается».)

Некоторые разговаривают, только находясь в одиночестве или в присутствии близких (разговаривать с вещами люди «могут со мной, могут меня не заметить, но если меня замечают, то не перестают этого делать»).

Однако при сильных негативных эмоциях присутствие или отсутствие других людей перестает быть значимым. Люди могут общаться с предметом, не обращая внимания на находящиеся рядом люди. («То есть Вы в принципе не переживаете, что кто-то рядом? – Абсолютно. Но при этом, если рядом находятся люди, человек будет говорить с вещью меньше. – Вы больше общаетесь с машиной, когда один или когда вокруг есть люди? – Ну, наверно, когда один, больше».)

В Приложении 2 приведено полное описание результатов качественного анализа слабоструктурированных интервью, проведенных в рамках коллективного исследования феномена одушевления вещей.

КОЛИЧЕСТВЕННЫЙ АНАЛИЗ КАЧЕСТВЕННЫХ ИНТЕРВЬЮ

После проведения качественного анализа интервью вполне возможно перейти и к его количественному анализу. При этом мы можем выделить два разных варианта этого анализа. В первом случае мы, выделив основные категории, можем смотреть, как часто (в процентном отношении) они встречаются у разных респондентов. Мы также можем практически использовать методы количественного контент-анализа в приложении к интервью. Однако, на наш взгляд, это не совсем валидно, так как интервьюер мог оказывать сильное влияние на ход того или иного интервью. Если для получения наиболее полной целостной картины феномена различия в поведении интервьюера и различия в вопросах в разных интервью не нарушают целостной картины, то при попытке сравнивать результаты разных респондентов мы сталкиваемся с явным нарушением стандартности проведения исследований. Для подобного количественного анализа больше подходят полуструктурированные интервью, в которых, по крайней мере, предполагается, что определенные вопросы задаются всем респондентам, поэтому гораздо легче проводить статистическую оценку распространенности тех или иных ответов.

Поэтому мы считаем, что качественные интервью и результаты их анализа гораздо лучше рассматривать как подготовительный исходный материал для последующего исследования количественного анализа. И здесь проведенный качественный анализ позволяет нам сформулировать целый ряд гипотез о связи и причинно-следственной связи различных аспектов и факторов, выявленных в ходе качественного интервью. Например, что разговор с вещами в ситуации фрустрации, возможно, связан с высокой импульсивностью, или что чувство одиночества связано только с отдельными видами разговора с вещами. На основе качественного анализа достаточно легко можно подготовить опросник или ряд шкал для дальнейшего количественного анализа. Выделенные в ходе качественного анализа темы и категории легко могут быть превращены в отдельные пункты опросника. А если добавить к ним шкалу оценки, то в дальнейшем этот опросник может быть достаточно легко подвергнут, например, процедуре корреляционного анализа (для выявления значимых связей) или даже факторному анализу, что позволяет выделить определенные факторы, значимые для данного феномена. Так, в одном из исследований на основе качественных интервью, проведенном под нашим руководством С. А. Котенко, были выявлены 9 факторов, определяющих роли и функции собаки в современной семье (от «источника неприятностей» до «психотерапевта»).

Пример предварительного варианта опросника с оценочными шкалами, подготовленного в рамках коллективного исследования феномена одушевления вещей на основе результатов качественного анализа интервью, приведен в Приложении 3.

Практическое задание
ПОДГОТОВКА МАТЕРИАЛОВ
ДЛЯ КОЛИЧЕСТВЕННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

1. На основании проведенного качественного анализа интервью попробуйте сформулировать гипотезы о связи или причинно-следственной связи между выявленными в интервью единицами, категориями, факторами, аспектами исследуемого феномена.

2. Подготовьте опросник, который вам сможет пригодиться для проверки одной из ваших гипотез. Переформулируйте отдельные утверждения, темы, категории, сформулированные в ходе качественного анализа, в пункты опросника таким образом, чтобы для них можно было бы использовать шкалу одного типа. Вы можете выбрать либо шкалу типа «совершенно согласен – согласен – скорее согласен – не согласен – совершенно не согласен» либо шкалу типа «всегда – часто – иногда – редко – никогда».

В случае коллективного исследования мы рекомендуем совместное создание и обсуждение опросника.

3. В случае коллективного исследования каждый участник может предложить опросник двум-трем испытуемым, а все результаты объединяются в общую таблицу, которая затем может быть подвергнута корреляционному или факторному анализу (мы рекомендуем второе, однако это требует значительно большего количества испытуемых).

Результаты количественного и качественного анализа данных качественного интервью могут дополнять друг друга, давая более полную картину психологических особенностей исследуемых феноменов. Однако вполне допустимо ограничиваться только качественным анализом или основной акцент делать на количественном анализе. Отметим, что только количественный анализ качественных интервью просто невозможен, ему всегда должен предшествовать анализ качественный. В этом, кстати, еще одно отличие использования в исследовании метода качественного интервью от ряда других методов (тестов, шкал, экспериментов), где качественный анализ следует за количественным. При использовании метода качественного слабоструктурированного или полуструктурированного интервью в случае желания применять количественные методы анализа порядок действий всегда будет таков: качественный анализ – количественный анализ – качественный анализ.

Основная литература

1. Артемьева, О. А. Качественные и количественные методы исследования в психологии / О. А. Артемьева. – М.: Юрайт, 2017. – 148 с.
2. Бусыгина, Н. П. Качественные и количественные методы исследований в психологии / Н. П. Бусыгина. – М.: Юрайт, 2015. – 423 с.

3. Бусыгина, Н. П. Методология качественных исследований в психологии / Н. П. Бусыгина. – М.: Инфра-М, 2013. – 304 с. – URL: <http://znanium.com/>
4. Дружинин, В. Н. Экспериментальная психология / В. Н. Дружинин. – СПб.: Питер, 2008. – 320 с.
5. Мельникова, О. Т. Фокус-группы: методы, методология, модерирование / О. Т. Мельникова. – М.: Аспект Пресс, 2007. – 320 с.

Рекомендуемая литература

6. Бек, Дж. Когнитивная терапия: полное руководство: пер. с англ. / Дж. Бек. – М.: ООО «И. Д. Вильямс», 2017. – 400 с.
7. Белановский, С. А. Метод фокус-групп / С. А. Белановский. – М.: Магистр, 1996.
8. Бьюдженталь, Дж. Искусство психотерапевта / Дж. Бьюдженталь. – М.: Корвет, 2008. – 320 с.
9. Квале, С. Исследовательское интервью / С. Квале. – М.: Смысл, 2003. – 301 с.
10. Коновалова, М. Д. Экспериментальная психология: конспект лекций / М. Д. Коновалова. – М.: Высшее образование, 2006. – 188 с.
11. Кроссли, М. Л. Нарративная психология. Самость, психологическая травма и конструирование смыслов / М. Л. Кроссли. – Х.: Гуманитарный центр, 203. – 284 с.
12. Мельникова, О. Т. Современные критериальные системы валидности качественных исследований в психологии / О. Т. Мельникова, Д. А. Хорошилов // Национальный психологический журнал. – 2014. – № 2 (14). – С. 36–48.
13. Мертон, Р. Фокусированное интервью / Р. Мертон, К. Фиске, П. Кендалл. – М.: Ин-т молодежи, 1991. – 15 с.
14. Методы социальной психологии / под ред. Е. С. Кузьмина, В. Е. Семенова. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1977.
15. Страус, А. Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники / А. Страус, Дж. Корбин. – М.: URSS, 2010. – 256 с.
16. Улановский, А. М. История и векторы развития качественных исследований в психологии / А. М. Улановский // Методология и история психологии. – 2008. – № 2. – С. 129–139.
17. Улановский, А. М. Феноменологическая психология: качественные исследования и работа с переживанием / А. М. Улановский. – М.: Смысл, 2012.
18. Фейнман, Р. Характер физических законов / Р. Фейнман. – М.: АСТ, 2017. – 256 с.

ПРИМЕР СЛАБОСТРУКТУРИРОВАННОГО ИНТЕРВЬЮ

Интервьюер Ю. Ефимова, студентка 4-го курса факультета психологии и педагогики АСОУ.

Респондент: девушка, 21 год, студентка.

Длительность интервью: 32 минуты.

Тема «Феномен одушевления вещей».

- **Добрый день! Спасибо, что согласилась помочь.**
- Добрый! Не за что.
- **Скажи, пожалуйста, ты когда-нибудь сталкивалась с тем, что люди одушевляют предметы?**
- Да.
- **В каких обстоятельствах это было? Кто был этим человеком?**
- Я.
- **Хорошо, рассказывай.**
- Почему не работает техника, почему не включается телевизор, разговариваю с предметами.
- **Что ты им говоришь?**
- Почему ты не включаешься.
- **А ты это говоришь просто с осознанием того, что это предмет или ты представляешь, что он живой?**
- Нет, я думаю, что это предмет, ну я же не поехала!
- **Ты его не одушевляешь? Не говоришь, что он живой, он просто предмет?**
- Ну да.
- **А что ты ему говоришь?**
- Включайся, работай, плохой, ругаю его, обзываю его всячески.
- **Включается?**
- Не всегда.
- **А при каких обстоятельствах ты чаще всего это говоришь?**
- Когда что-то не работает, а хочу чтобы работало, дома, когда тороплюсь, опаздываю куда-нибудь, когда надо поскорее.
- **Получается, что ты это говоришь, только когда опаздываешь и торопишься?**
- Да, когда мне что-то надо, когда необходимость, тогда я разговариваю с вещами.
- **А ты одна разговариваешь или в чем-то присутствии?**
- Могу одна, могу с кем-то, люди меня не смущают, могу абсолютно при всех.
- **А твоя речь отличается от того, что ты говоришь, когда одна и когда с кем-то?**
- Да, лексикой, при родителях я выбираю слова.

- **Что предшествует тому, что ты разговариваешь с предметами?**
- Мысль на психологическом уровне: если поговорю, то она – вещь – работает, хотя это не действует, но я в это верю усиленно, это как плацебо.
- **А ты относишь это к диагнозу?**
- Нет.
- **А какое у тебя обычно настроение в этот момент?**
- Ну, наверное, раздраженное, раз оно не работает, причем это не зависит от времени суток.
- **А ты только с техникой разговариваешь?**
- (*Смеется.*) Ну, ...нет, наверное, не только. Вот с мебелью могу поговорить, если я, например, ударюсь о мебель, то могу сказать: «Дурацкий стул, почему ты здесь стоишь?» Вот так могу сказать, но он не уходит, не реагирует, но я могу его пнуть, и он откатится, но это уже мое прямое воздействие.
- **А какая обычно вокруг тебя обстановка, когда ты разговариваешь?**
- Раздражающая, у меня же не все в порядке.
- **Твое отношение к этому?**
- Ну, совершенно нормальное, абсолютно, так должно быть.
- **А ты еще когда-нибудь слышала, что люди разговаривают с предметами? Кроме тебя?**
- Ну, тоже да, по таким же причинам.
- **Рассказывай поподробнее.**
- Папа, на примере того же пульта или телефона, ищет телефон: «Ну где же ты?» Вопрос к телефону, когда ударился обо что-нибудь: «Ну что ты здесь стоишь?» Те же самые факторы общения.
- **А что чувствуешь ты, когда другие в твоём присутствии разговаривают с предметами?**
- Как по мне, так это нормальная реакция, они же не сами с собой, они с предметами, техникой, мебелью, это нормально.
- **А другие люди разговаривают в твоём присутствии или когда никого нет?**
- Могут со мной, могут меня не заметить, но если меня замечают, то не перестают этого делать.
- **А расскажи, пожалуйста, о данном феномене что-нибудь еще более подробно.**
- Мелодраму вчера смотрела, разговаривала с телевизором, вот задавала вопросы героям сериала: «Ты так сделал? Зачем?» Этого тоже я не стесняюсь, могу при всех разговаривать, и все вопрошаю, ругаюсь на них, сержусь или, наоборот, солидарна с их действиями. Я пытаюсь донести до них, что так делать нельзя, с режиссером ругаюсь заочно, искренне верю, что это поможет, но я бы не хотела сказать об этом лично режиссеру, это его дело, он сам знает, а ругаюсь, потому что это мое мнение, но маленькая была, я не ругалась на вещи, я просто играла в игрушки.
- **А как думаешь, почему люди разговаривают с предметами?**
- Они так свои эмоции вымещают, так легче.

– А расскажи, пожалуйста, самый интересный случай, когда люди разговаривали с предметами?

– У меня есть знакомый, гражданин Н., у него была машина – жигули, любил ее, сил нет, девушку так не любит, как машину, она сломается, он ее жалеет, он ее умоляет, просит, целует, гладит, она живая для него, он душу в нее вкладывает, и так на протяжении многих лет, а вот сейчас он ее продал, вот взял себе другую машину, но к этой он не так относится, не так любит, тоже с ней разговаривает, но не настолько у них близкий контакт, а с той он разговаривал, потому что он ее сам собирал, а эту купил готовую, она не родная.

– А в чьем присутствии он разговаривает?

– В любом. А есть еще один гражданин Н., он с алкоголем разговаривает, говорит: «Ооо, наконец-то мы встретились, я тебя ждал неделю рабочую!» Это он так любовь к этому предмету выражает, зовет его к себе.

– А как думаешь, он с ним разговаривает как с живым или как с предметом?

– Наверное, как с живым, ему не мешают другие люди, кстати, как и гражданину с машиной, могут спокойно разговаривать при людях, но гражданин с алкоголем может начать разговаривать и в магазине, но при этом окружающие некоторые смотрят с непониманием, кто-то с сожалением, некоторые с улыбкой, но она тоже с сожалением, но когда я рядом с ним, то у меня рождается сочувствие, потому что любовь к машине – это нормально, а любовь к алкоголю – это грустно.

– Когда ты разговаривала с сериалом, чего ты ожидала?

– Хорошего конца, что все закончится так, как мне хочется, но когда этого не происходило, думала, что плохой сериал, не буду его больше смотреть, но когда я разговаривала с мебелью, я ничего не ждала, это просто отвлекающий фактор, а из ожиданий – найти вещь, перестанет болеть нога, которой ты ударился. Но я уверена, что гражданин с машиной, разговаривает с ней, потому что ждет приятных эмоций, что она сейчас заведется и поедет, поднимет ему настроение.

– А общение с людьми и общение с предметами отличается?

– Да, с людьми больше эмоций проявляется, но мне кажется, что гражданин, который разговаривает с алкоголем, делает это для увеселения публики, а тот, что с машиной, – просто озвучивает свои мысли. А еще, я вспомнила. Люди с дорогами разговаривают, наподобие «почему вы такие плохие». Но это, скорее всего, не посыл к самим дорогам, а посыл через дороги, дороги – проводник, через дороги идет обращение к правительству, цель – достучаться до правительства, потому что у этих людей наболело, они расстроены от таких дорог, и я уверена, что с дорогами разговаривают каждый день, чаще с плохим смыслом, но вот в Германии с ними хорошо разговаривают, но дорога при этом не живая, она предмет. Но мне кажется, что в основном одушевляют технику, особенно когда компьютер зависает в неподходящий момент, а

на нем грандиозный проект, и в такие минуты компьютер становится не то чтобы человеком, он Богом становится, и ты ему говоришь: «Родной, пожалуйста!» А иначе нет работы, нет денег, и говоришь ему, что выкинешь его, а потом он начинает работать, но это не чудо, это стечение обстоятельств.

А еще еду люди могут одушевлять, когда готовят для любимого, например, особенно в начале отношений, дальше уже неважно, главное в начале, чтобы произвести первое впечатление: «Картошечка моя, ты вот сейчас мягенькая, но с маленькой корочкой сделайся, пожалуйста». Или вот варишь пельмени: «Давайте, чтобы не переварились, доварились». Это как надежда, что все получится или как желание, чтобы поторопить, когда кушать хочется.

– **А почему вообще люди одушевляют предметы?**

– Иногда, наверное, от одиночества, пожилые люди часто этим занимают-ся, потому что им нужно с кем-то поговорить, рассказать, может, это какая-то памятная вещь, которая осталась от человека, которого нет уже, может, просто дорогой подарок, они рассказывают свои пожелания, мысли, ничего не преследуя, просто разговор по душам, но при этом предмет живой для них. Но мне жалко таких, потому что они одни, они одиноки. Есть такие сайты в социальных сетях, люди там пишут свои эмоции, мысли, это тоже вариант общения, они пишут компьютеру, но свои мысли высказывают, чтобы прочитали другие, чтобы человек выговорился. А еще я читала случай, что человек берет телефон, выключает его, и говорит в него, но получается, что телефону, а выключает, чтобы его не приняли за сумасшедшего, а говорит, чтобы выговориться.

Спасибо большое, за помощь!

Приложение 2

ФЕНОМЕН ОДУШЕВЛЕНИЯ ВЕЩЕЙ

(опыт коллективного качественного исследования)

Исследователями феномена одушевления вещей выступали 23 студента-психолога 4-го курса факультета психологии и педагогики АСОУ (6 муж., 17 жен.). Для получения максимально широкой и разнообразной картины, отражающей различные представления обширной генеральной выборки (жители Москвы и Подмосковья) были выбраны респонденты, сильно различающиеся по ряду показателей (возраст, пол, образование, специальность).

Люди одушевляют вещи, разговаривая с ними. Все интервьюеры до проведения интервью отметили, что иногда разговаривают с вещами. Среди респондентов только одна пожилая женщина (78 лет) сказала, что никогда не разговаривает с вещами и никогда не сталкивалась с тем, чтобы с вещами разговаривали другие. Возможно, это было связано с родственными отношениями с интервьюером (внучка) и нежеланием быть воспринятой ею как «ненормальная». Интервью далее не проводилось.

Все остальные опрошенные (24 человека) сообщили о знакомстве с феноменом одушевления вещей, и сами в каких-то ситуациях говорили с вещами, а также сталкивались с тем, что так поступали другие люди. Напомним, что для наиболее полного описания данного феномена в качестве респондентов были выбраны люди, различающиеся по возрасту, полу, социальному статусу, профессии. При планировании исследования интервьюеры заранее договорились относительно выбора респондентов из разных групп населения.

В результате качественного анализа интервью, посвященных разговору с вещами, была получена следующая картина феномена одушевления вещей.

Люди могут разговаривать с такими предметами, как машины («Моя хорошая, ну давай заводись, я в тебя верю, моя ласточка! Я тебя мою, за тобой ухаживаю, а ты сейчас выпендриваешься, давай, милая, заводись»), «Спасибо большое тебе, ты такая хорошая, такая красивая», «Каждый раз, когда иду на остановку, я прошу автобус задержаться», «Когда свой автомобиль ремонтирую, то я с ним общаюсь, если он ремонтироваться не хочет и мне приходится с ним долго возиться»); другая техника («Папа – на примере того же пульта или телефона – ищет телефон: "Ну где же ты?"»); Интернет («Ну, что ты опять глючишь? Ну, что ты тормозишь-то?»); мебель («Ударюсь о стул и могу сказать: "Дурацкий стул, почему ты здесь стоишь?", вот так могу сказать, но он не уходит, не реагирует, но я могу его пнуть и он откатится»); сериалы («Мелодраму смотрела, задавала вопросы героям сериала: "Ты так сделал? Зачем?", все вопрошаю, ругаюсь на них, сержусь»); дороги («Почему вы такие плохие?»); еда («Картошечка моя, ты вот сейчас мягонькая, но с маленькой корочкой сделайся, пожалуйста, или пельменям – давайте, чтобы не переварились»), «Ну, я думаю, мы все это делаем, когда говорим типа "Ты, малыш, уходишь со мной", смотря на какой-нибудь выгодный пакет картошки»); алкоголь («О-о-о, наконец-то мы встретились, я тебя ждал неделю рабочую!»); растения («Какие вы красивые, хорошенькие, растите хорошо», «Ну как вам здесь спалось, не холодно ли вам было?»), «Она с яблонькой разговаривала несколько раз, я видела на даче, с цветочками, с помидорчиками, поливает и говорит: "Чтоб вы росли хорошо, плодоносили"»); лампочка («Ну, что ты снова отходишь?»); стелька («Стельку вставляешь в сапог, она не лезет: "Давай, влезай, давай, давай"»); письменные принадлежности («Любимый мой карандаш, нарисуй, пожалуйста, то, что я хочу») и многое другое.

Разговаривают чаще с теми вещами, с которыми больше времени находятся в контакте. («С чем чаще взаимодействуем, с тем чаще общаемся».)

Интонации при разговоре с вещами могут отличаться от обычных. («Может быть, мультяшный какой-то быть разговор. Какой-то другой, ненастоящий. Выдуманный», «С какой-то искусственной, неправильной интонацией».)

Люди разговаривают с вещами по разным причинам.

Дети (по-видимому, большая часть) разговаривают с игрушками. («Я даже своей игрушке какой-то давней давала имя и брала ее везде с собой. Это было, наверное, моим талисманом, поддержкой».)

Люди могут разговаривать с вещами от одиночества. («Когда придумываешь, одушевляешь какой-то предмет, воображаешь себе друга, это как раз связано с тем, что ты чувствуешь себя одиноким где-то в глубине души», «Те, кому некуда деть свою любовь, и они ее выражают к предметам разговаривая с ними».)

Особенно это может касаться пожилых людей. («Иногда, наверное, от одиночества, пожилые люди часто этим занимаются, потому что им нужно с кем-то поговорить, рассказать, может, это какая-то памятная вещь, которая осталась от человека, которого нет уже, может, просто дорогой подарок, они рассказывают свои пожелания, мысли, ничего не преследуя, просто разговор по душам, но при этом предмет живой для них».)

Может быть желание поделиться с кем-нибудь мыслями, рассказать о важном событии. Но иногда человеку просто надо выговориться, но не кому-то конкретно. Люди в соцсетях иногда пишут просто компьютеру, чтобы выговориться, а не людям. («Есть такие сайты в социальных сетях, люди там пишут свои эмоции, мысли, это тоже вариант общения, они пишут компьютеру, но свои мысли высказывают, чтобы прочитали другие, чтобы человек выговорился. А еще я читала случай, что человек берет телефон, выключает его и говорит в него, но получается, что телефону, а выключает, чтобы его не приняли за сумасшедшего, а говорит, чтобы выговориться».)

Разговор с вещью может происходить и в ситуации, когда просто больше никого рядом нет. («Так как говорить не с кем, то ты говоришь собственно с предметом, тем, что тебе доставляет неудобство. У меня есть проблема, которую доставляет мне кофе-машина, она материальна, я ее вижу, соответственно, я к ней и обращаюсь, сложно выйти и прокричать в окно на кофе-машину, когда вот перед тобой стоит эта кофе-машина, я на нее и кричу», «Обычно когда хорошее настроение, когда в ожидании какого-то там праздника. То есть, когда эмоции зашкаливают и выплеск, вот хочется ... как сказать? Любовь что ли эту выплеснуть. И рядом нет человека, которому бы хотелось что-то порассказывать, вот начинаешь с предметами разговаривать».)

Разговаривание с вещами может быть связано с «ненормальностью», с психическим заболеванием. («Моя мама болела синдромом Альцгеймера, она разговаривала с зеркалом, подушкой и т. д. Но я думаю, это уже другой случай, просто уже кукушечки».)

Именно из-за этого респонденты особый упор делают на нормальности разговора человека с вещами, по крайней мере, собственной. Хотя некоторая неуверенность в собственной нормальности возникает при рассказе о своих разговорах с вещами. («Как по мне, так это нормальная реакция, они же не сами с собой, они с предметами, техникой, мебелью, это нормально».)

Сталкиваясь с разговором других людей с вещами, человек может воспринимать это и как нормальное явление («Это как бы в порядке вещей», «Это просто привычное что-то»), и как смешное («Я вижу это и осознаю комичность ситуации. И это не то, чтобы ненормально».)

В отличие от нормальных людей, ненормальные люди считают, что вещи им отвечают. («Когда люди немножко помешанные, они думают, что предметы им отвечают, и они реально слышат голоса», «Я смотрю, у него явно не все в порядке с головой, у него явно какое-то заболевание и вполне вероятно, что сейчас обострение, поскольку он шел, брал банку, что-то там с ней разговаривал и либо брал с собой, либо выкидывал обратно ее на землю. Так же поступал с крышками, т.е. какой-то здоровый пакет, который лежит на тротуаре, он мог пропустить, наступив на него, а какую-то маленькую крышку взять. И что-то там потрясти ее и выкинуть в мусорку. – И что ты почувствовала, когда это увидела? – Здесь я явно опасалась этого человека, он разговаривал с предметами, он их явно одушевлял, и было страшно».)

Когда другие люди разговаривают в присутствии чужих, это может восприниматься как ненормальность. («Вы бы могли в присутствии других людей так поговорить с машиной? – В присутствии своей семьи – да. – А на работе? – Да Вы чё, я же солидный уважаемый человек, что обо мне подумают? Скажут, с катушек съехал и выгонят меня с работы».)

Чтобы не выглядеть ненормальными, люди могут стараться разговаривать с вещами мысленно. («Вообще, я стараюсь делать это крайне редко, потому что наблюдаю за мамой и бабушкой. Я, конечно, не хочу скатываться до такого уровня, чтобы разговаривать с предметами. Я стараюсь это делать в мыслях, но периодически у меня такое случается».)

Некоторые разговаривают, только находясь в одиночестве или в присутствии близких. («Разговаривать с вещами люди могут со мной, могут меня не заметить, но если меня замечают, то не перестают этого делать».)

Однако при сильных негативных эмоциях присутствие или отсутствие других людей перестает быть значимым. Люди могут общаться с предметом, не обращая внимания на находящиеся рядом людей. («То есть вы в принципе не переживаете что кто-то рядом – абсолютно. Но при этом если рядом находятся люди, человек будет говорить с вещью меньше. – Вы больше общаетесь с машиной, когда один или когда вокруг есть люди? – Ну, наверно, когда один, больше».)

Иногда люди разговаривают с вещами на публику, демонстративно, видимо, желая привлечь внимание к себе. («Так-то чисто для красного словца кто-то может говорить, но это видно, что он наигранно там типа».) В некоторых случаях разговор с вещью служит способом привлечь к ней внимание других людей, желанием похвастаться этой вещью перед другими. («Собседник там рядом стоит – а вот цветочек там – (человек) гладит листики, поднимает: вот он растет, это мой цветочек».)

Разговор с персонажами фильмов, сериалов, телепередач и с фотографиями людей вряд ли могут рассматриваться как проявление феномена одушевления вещей, так как в этом случае разговор обращен не к вещам, а к людям. («Допустим, фотография человека: если тебе не нравится этот человек, чтобы выместить негативную энергию, тырываешь эту фотографию», «Мужчи-

ны часто разговаривают, когда смотрят футбол, хоккей: "Ну куда ты бьешь, ну что ты!", «А, ну еще последние полгода разговариваю с фотографией бабули. Просто ее больше нет рядом. В общем, часто разговариваю с ней. – А при этом что Вы испытываете? – Чувствую, что разговариваю с родным человеком, облегчение чувствую.»)

Чаще всего обращение к предметам происходит в ситуации фрустрации, когда люди торопятся или опаздывают куда-то, а вещи ломаются или не работают. («Когда что-то не работает, а хочу, чтобы работало, дома, когда тороплюсь, опаздываю куда-нибудь, когда надо поскорее.»)

В ситуации фрустрации обращение к вещам часто связано с проявлением негативных эмоций, эмоциональной вспышкой, вещи служат объектами для выражения злости, агрессии, раздражения человека. Чаще всего в разговоре с вещами люди выражают свое недовольство, так как предмет не работает как должен («К примеру, срочно нужно переключить на другой канал, а заел пульт от телевизора; не заводится машина; начинает зависать компьютер; начинает глючить домофон; кофе-машина»), не так и не там расположен, причиняет физический дискомфорт («Об ножик, бывает, обрежусь, ругаюсь на него»).

В этих случаях люди ругаются на вещи, кричат на них («Чего тебе не хватает? Не растешь! А я за тобой ухаживаю... как за всеми другими!»), угрожают и запугивают («Ах, ты, паразит такой, сейчас, если ты не оживешь, я тебя выброшу!»), «Некоторые начинают обращаться к предмету, раздражаясь в процессе ремонта, в данном случае автомобиля, прямо крича: "Если ты сейчас не будешь налаживаться, я тебя просто продам!"»), оскорбляют («Сволочь какая, давай работай»), могут даже прибегать к физическим действиям («По дивану со злобы бил тоже»).

Крики и ругань в этом случае обычно являются просто способом выплеснуть негативные эмоции, разрядиться («обругала и мне легче становится», «ну, выплескиваешь энергию, успокаиваешься, снимаешь стресс»). В результате разговора с вещами люди либо выговариваются, либо выплескивают эмоции и потом чувствуют себя лучше, им становится легче.

Разговор с вещами в ситуации фрустрации может выступать не только как выплеск негативных эмоций, но и как средство самоконтроля. Вежливый разговор может помогать самому человеку «держаться в руках» («Просто знаешь, что она (машина) должна завестись, но вроде бы как бы и себя подбадриваешь: держись, что надо-надо-надо, не выключай ключ, сейчас заведется, – в энергии такой, в тунусе»), не нервничать сильно при неудаче или неполадках в работе.

Люди зачастую ведут диалоги с неживыми предметами в состоянии крайнего эмоционального возбуждения, в ярких эмоциональных всплесках.

Люди могут ругаться или могут просить что-то у неодушевленных предметов. Люди выпускают свои эмоции на неодушевленные предметы в связи со своей беспомощностью, непониманием и невозможностью управлять про-

цессом. Их не устраивает внутреннее состояние тела («разговариваю с ногой»), так как некоторые зачастую не могут в себе держать этот дискомфорт и находиться с ним, они начинают разговаривать с неодушевленными предметами. Иногда для людей взаимодействие с машиной тоже является стрессом, но другим, с ней они себя успокаивают. («Если, например, сдуется шина, я буду в полной панике бегать вокруг машины, соответственно, пока ничего не произошло, я уговариваю ее, чтобы это не произошло, ну, точнее, я так уговариваю себя успокоиться».) Люди могут использовать различные неодушевленные предметы как средство передачи успокоения самого себя, напрямую им затруднительно через монолог это сделать, а посредством общения с предметами легче и комфортнее. («Ты нацеливаешь себя на то, что он будет быстрее работать. Дашь надежду самому себе».)

Разговор с вещами часто связан с каким-либо эмоциональным состоянием, общим настроением в течение дня: либо с накопившимися негативными эмоциями, плохим настроением, либо с хорошим настроением («Но обычно да, обычно в ожидании какого-то чуда, что ли, или праздника какого-то»), либо со скукой. Иногда они могут находиться в уязвимом состоянии в течение дня, что приводит к общению, а возможно, попадают в ситуации, на которые не могут никак повлиять, и тоже начинают разговаривать. («Когда, допустим, не работает телефон, для меня это травматично, а бывает, в какие-то моменты не работает – и меня это никак не задевает, я даже не обращаю на это внимания, а в какие-то моменты этот факт приводит меня в та-а-ак-о-о-ое эмоциональное состояние!», «Зависит от того, в каком я состоянии, могу ругаться, могу просить».)

Люди могут одушевлять вещи, выражая по отношению к ним положительные эмоции и чувства: любовь, заботу, привязанность, симпатию. («Она [машина] сломается, он ее жалеет, он ее умоляет, просит, целует, гладит, она живая для него, он душу в нее вкладывает, и так на протяжении многих лет», «С добрым утром, как вы себя чувствуете? Всегда нужно относиться с любовью, чтобы лучше росли», «Чем больше с растениями разговариваешь, тем лучше они растут».)

При этом может проявляться некоторая зависимость от вещи или привязанность к ней. Имянаречение, или наделение вещи именем собственным, является одной из форм проявления привязанности и любви к вещи, которая воспринимается уже как живая. («Я даже своей игрушке какой-то давней дала имя и брала ее везде с собой», «Когда муж купил вторую машину, он сказал: "Ее зовут Галя", мужчина, который продавал ему машину, сказал, что ее так зовут», «У меня одногруппник. Он... У него есть его чашка. Я не помню, как ее зовут. И... он говорит о ней, называя ее имя».)

Разговор с вещью может быть попыткой «подбодрить» вещь, чтобы добиться лучших результатов: например, подбодрить растение, чтобы оно росло или цвело. («Ой, ты мой красавчик, ой, ты мой хороший, выжил, расцвел».)

Хотя выплеск эмоций обычно не сопровождается реальным осознанным ожиданием ответных реакций вещи, но люди могут все-таки надеяться, что вещи исправятся и заработают. В таких случаях разговор с вещами – проявление редуцированного, но не исчезнувшего полностью магического мышления взрослого современного человека. («Как я надеюсь, сейчас он услышит, испугается и будет расти», «Я верю, что когда говорю ему, он меня слышит и отвечает мне».)

Одушевляя тем или иным образом предмет, люди ожидают, что вещь работает («Я могу обзвать телефон "сволочь какая, работай давай", и он вроде как начинает работать»), услышит, поможет, испугается. («Есть такая мысль, а если слышит все, сейчас услышит и испугается».)

Сохранение самоконтроля и спокойствия в ситуации фрустрации также может нести оттенок магического мышления. Люди могут уговаривать вещи и просить их, если есть сложности в работе. («Едешь, чувствуешь, что она (машина) может сломаться и вроде бы как (говоришь) это, вот доезжай, я тебя там почию».) Несмотря на трудности, люди уговаривают или просят вещь «постараться». («Я могу сказать: "Работай, пожалуйста", "Не глючь", может, даже иногда это срабатывает».)

Некоторые стараются разговаривать с вещами вежливо, так как считают, что «как они будут обращаться с вещью, так и она с ними».

Разговор с вещами может быть частью какого-то ритуала. («В моей практике это спортсмены-вратари, которые в футболе, например, ходят-целуют штанги и разговаривают со штангами, возможно у них есть какой-то ритуал или какое-то еще... я не знаю, не знаю как это обзывать», «Есть футболисты, которые целуют мячи перед тем, как пробить или ударить, и говорят с ними, но опять же все это здоровые люди, возможно, но просто они подвержены каким-то ритуалам, заговорам или как это назвать, я даже не знаю».)

Приписывание вещи свойств живого может, почти как в пантеизме, надевать вещь не просто свойствами живого, но и определенным могуществом. («В такие минуты компьютер становится не то чтобы человеком, он Богом становится, и ты ему говоришь: "Родной, пожалуйста, а иначе нет работы, нет денег", и говоришь ему, что выкинешь его, а потом он начинает работать», «Я не просто с ним разговариваю, а это получается разговор в виде просьбы, душевный такой разговор».)

Особый случай магического мышления – разговор с иконой, так как при этом ожидается определенный ответ, реакция. («Это, мне кажется, так можно только с иконой поговорить, когда просишь что-то, молитвы читаешь или о чем-то там скорбишь, или за кого-то просишь. Там уже, как говорится, идет диалог, можно так сказать. Потому что это как бы божество. Ты надеешься на ее помощь. То есть ответная реакция должна быть».)

Правда, следует отличать реальное ожидание ответа или реакции от кого-то или чего-то и стоящий за разговором с предметом диалог с самим собой.

Примером подобных случаев является разговор с дневником или с иконой. («Начинаешь разговор [с иконой] с того, что кого-то обвиняешь, тот человек к тебе несправедливо отнесся, но во время этого монолога у тебя просветляются мысли и ты понимаешь, что, наоборот, от тебя произошло это все, что так человек на тебя отреагировал, на твой разговор, и во время этого монолога мысли просветляются и ты находишь все ошибки, которые именно ты прожил. Ну то есть получается, уже во время разговора Бог дал ответ на твой вопрос», «С дневником разговаривают, с ним ведут какой-то диалог... Да, его одушевляют. То есть делают его как бы подружкой, другом, которому можно все выговорить и, если не дай бог его никто не увидит, не найдет, то будет тогда все хорошо», «У меня нет привязанностей к неодушевленным предметам. Если бы у меня такое было, я бы вела дневник. Личный. Где я бы писала: "Мой дневник, у меня сегодня столько всего произошло"».)

Это отличается от общения с книгой. («Ну, с книгой точно человек не может разговаривать. Потому что книга сама ведет диалог с тобой. – С тобой прям? – Ну как? Она ж повествует. Книга. Как-то так вот. Либо ты принимаешь ее рассказ, либо не принимаешь. Если принимаешь, то читаешь дальше эту книгу, если не принимаешь, то она лежит пылиться. Как-то руки не доходят до нее, этой книги... Тут получается обратный эффект: не ты с ней, с неодушевленным предметом, а неодушевленный предмет с тобой разговаривает. От имени автора».)

Человек может разговаривать с инструментами или вещами во время работы с ними. («Когда свой автомобиль ремонтирую, то я с ним общаюсь, если он ремонтироваться не хочет и мне приходится с ним долго возиться».)

При этом во время работы люди могут объяснять предмету свои действия или планы, комментировать то, что делают или собираются сделать. («Если человек что-то делает очень увлеченно, хочет добиться какого-то результата, если в процессе своей работы, дел он разговаривает с тем предметом, который он хочет усовершенствовать, или вырастить, или что-то изобрести, то в этом ничего такого экстраординарного нет».) Могут даже задавать вопрос, давать на него ответ.

Люди часто разговаривают в процессе творчества со своим произведением, с идеалом, с образами. («Очень часто, когда ты рисуешь, когда, вообще, ты что-то создаешь, ты начинаешь с этим общаться».)

С любимыми вещами могут разговаривать долго и неоднократно, иногда с одной вещью могут разговаривать разные люди. («С этой машиной [жсероксом] еще кто-нибудь разговаривает? – Все. Даже начальник с ней разговаривает, когда она ломается. Это член нашего коллектива, с ней разговаривают все. Еще у нас теперь есть 3D принтер, с ним мы тоже разговариваем», «У него была машина – жигули, любил ее, сил нет, девушку так не любит, как машину, она сломается, он ее жалеет, он ее умоляет, просит, целует, гладит, она живая для него, он душу в нее вкладывает, и так на протяжении многих лет».)

При глубокой привязанности к вещи ее замена может восприниматься самим человеком или другими как «предательство», а ее заменитель уже таких чувств не вызывает. («Вот взял себе другую машину, но к этой он не так относится, не так любит, тоже с ней разговаривает, но не настолько у них близкий контакт, а с той он разговаривал, потому что он ее сам собирал, а эту купил готовую, она не родная».)

Люди проявляют заботу к предмету, например, в шуточной форме. («Иногда на сигнализацию [машину] включишь и так говоришь: "Жди, я сейчас приду"».)

Регулярно разговаривающего с вещами человека могут хорошо понять коллеги по интересам. При них можно не стесняться говорить, рассчитывая на солидарность людей, имеющих похожие интересы. Это характерно для автомобилистов. («Если люди вообще далеки от любительского автомобилизма ... то они ... скажут ... что-то у него не так. Ну начинающие могут просто улыбнуться. Но я думаю, что те люди, которые связаны с машинами, они ничего плохого об этом не подумают, потому что я знаю много знакомых, которые общаются с машинами, просто это уже привычка», «Получается, водители в свою машину вкладывают душу, так как на дороге опасно и их жизнь как-то от нее зависит, и поэтому одушевляют ее».)

Разговор с растениями очень распространен среди тех, кто их выращивает. Вообще, растения часто воспринимаются скорее как живые, а не вещи. («С растениями всегда нужно разговаривать. Вот, например, когда рано сажаю что-нибудь, когда еще земля холодная, я прихожу и спрашиваю: «Ну как вам здесь спалось, не холодно ли вам было?», «Моя мама так же разговаривала, когда вместе в детстве работали на огороде», «Моя подруга тоже, ну как бы с растениями разговаривает, мы с ней вместе, огороды рядом, в общем, тоже так же, как и я себя веду», «С цветочком можно, его можно считать одушевленным предметом, он цветет», «Цветы вот, кстати, очень чувствительны к отношению человека. Они чувствуют его любовь, заботу и откликаются хорошим...ну как бы...ну не отношением... но они хорошо цветут. Хорошо энергию такую вот дают красивую, не сохнут».) В целом, по-видимому, разговор с растениями отличается от разговора с вещами, так как растения относятся к живой природе. («С растением я разговариваю, потому что читала, что нужно с ним разговаривать, и оно может понимать ласковые слова, и, может быть, оно станет лучше расти. И может быть, действительно оно растет, оно одушевленное, и если с ним поговоришь, может быть, это на него подействует».)

Люди, разговаривая с вещами, часто не осознают это. («Сам не замечаешь, как это происходит, и не придаешь значения этому», «А почему ты сказала, что не разговариваешь с предметами? – Просто не могла вспомнить примеры. И вспомнила. И вот видишь, оно это даже как-то не запоминается. Это на подсознательном уровне, что даже не запоминается».) В процессе творчества люди часто разговаривают, не замечая этого, в том числе с вещами или своим произведением. («Все сидят рисуют, и все абсолютно в своих

мыслях, и кто-то разговаривает реально, и ты этого даже не замечаешь, ты можешь это заметить, если ты так отвлекся, ну там направляешься к выходу, допустим, или пошел воду сменить или кисточку промыть, ну тогда ты уже как-то отвлекаешься и ты слышишь: о-о-о, этот бубнит, этот свистит, этот разговаривает с чем-то. И это 99% тех, кто занимается творчеством. Я думаю, что те, кто играет на каких-то музыкальных инструментах, и кто полностью отдается своему творчеству, у них нет осознанности "здесь и сейчас"».)

В целом на основании проведенного качественного исследования феномена одушевления вещей взрослыми людьми (разговора с вещами) можно сказать, что этот феномен имеет неоднородные причины и разнообразные проявления. Люди разговаривают с вещами в следующих случаях:

1. В ситуации фрустрации (плохо работающей техники, поломки, преград), выплескивая негативные эмоции. При этом люди кричат, ругаются, могут физически швырять предметы. Вещь для них – просто объект для эмоциональной разрядки. В случае сильного эмоционального взрыва человеку безразлично, есть ли рядом посторонние, в других случаях при посторонних стараются сдерживаться. Вероятно, такие плохо контролируемые импульсивные реакции более характерны для молодых людей, с возрастом самоконтроль улучшается.

2. Также в ситуации стресса и, возможно, фрустрации человек старается успокоиться и контролировать себя, при этом обращаясь с успокаивающими и поддерживающими словами к вещи.

3. В случае психического заболевания. При этом человеку может быть безразлична ситуация и наличие окружающих людей. Основное отличие этого случая разговора состоит в том, что нездоровый психически человек действительно ждет ответа от вещей, убежден в их ответе или даже слышит его.

4. С вещами разговаривают от одиночества, когда не с кем поделиться мыслями и чувствами. Иногда это отсутствие близких вообще, иногда разговор связан с отсутствием в конкретный момент рядом человека, с которым можно поделиться. Предполагается, что разговоры с вещами от одиночества характерны для пожилых. Однако о них часто сообщают и молодые люди.

5. Иногда разговор с вещами на самом деле является разговором с людьми, которым принадлежала вещь, или с изображенными на фотографии. В этом случае реально разговор идет не с вещью, а с близким человеком. Разговор верующего с иконой или священным предметом отчасти относится к этому случаю.

6. Разговор с персонажами фильмов, сериалов, героями телепередач, участниками спортивных трансляций также обращен к людям, а не к вещам. Такой разговор – это проявление переживаний, сильных эмоций, волнения, азарта. В этом случае в присутствии посторонних высказывания могут сдерживаться, однако в присутствии близких или единомышленников (болельщиков, например) обращений к персонажам и комментариев может быть боль-

ше. Возможно, эти реплики отчасти обращены к другим присутствующим людям, являются выражением желания поделиться своими переживаниями.

7. Разговор с вещами может быть проявлением магического мышления. При этом человек действительно ждет, что с помощью обращенных к вещи слов сможет изменить ситуацию, добиться нужного результата.

8. Разговор с вещью может являться на самом деле проявлением внутреннего диалога с самим собой. Часто таким примером является разговор с дневником или с иконой.

9. Люди могут разговаривать с вещами в процессе работы и творчества. При этом они могут комментировать свои действия, обсуждать их, планировать. В этом случае разговор может длиться долго, к одному предмету люди могут обращаться неоднократно. По сути дела, мы можем говорить о процессе экстериоризации процесса мышления, внутренней речи. Часто такой разговор происходит с вещами, которые играют важную роль в деятельности человека, с которыми человек находится в длительном взаимодействии.

10. Человек может регулярно общаться с какой-то вещью, которая играет важную роль в его жизни, с любимой вещью. Это обычно предмет, от которого зависит результат его деятельности или даже жизнь человека. Иногда это объекты увлечений, хобби человека.

11. Особым вариантом предыдущего случая является разговор с растениями. По-видимому, его следует исключить из области феномена одушевления вещей, так как растения относятся к миру живой природы, и большинство людей, выращивающих растения, убеждены, что разговор с ними влияет на их рост. Это мнение нередко подтверждают ссылками на научные исследования.

12. Разговор с вещами может быть частью ритуала. Например, некий индивидуальный ритуал (допустим, у спортсменов). Разговор с вещью в этом случае является частью проявления магического мышления, частью – настроя на нужное состояние. С другой стороны, разговор с вещью может быть частью совместного ритуала общения с другими людьми.

13. Иногда люди обращаются к вещам, чтобы привлечь к себе внимание других людей, часто такой разговор ведется в шутку.

В большинстве случаев люди стараются скрывать свои разговоры с вещами от посторонних, чтобы не выглядеть ненормальными. Исключением являются сильные эмоциональные всплески, ритуальные разговоры, стремление привлечь внимание и стремление поделиться с другими через обращение к вещам. Иногда при разговоре с вещами люди используют особые интонации и манеру разговора.

Проведенный нами качественный анализ феномена одушевления вещей (разговора с вещами) дает возможность выдвинуть целый ряд гипотез, проверка которых в дальнейшем будет осуществляться в эмпирических исследованиях, в том числе и с использованием математических методов.

Инициалы _____
 Пол _____ возраст _____

ТЕСТ ОДУШЕВЛЕНИЯ ВЕЩЕЙ

Инструкция. Внимательно читая каждое утверждение, выберите тот вариант ответа, который больше всего соответствует вашему мнению в настоящее время. В каждой строке на бланке ответов поставьте галочку в соответствии с вашим выбором: совершенно согласен; согласен; отчасти согласен; скорее не согласен; совершенно не согласен.

		Совершенно согласен	Согласен	Отчасти согласен	Скорее не согласен	Совершенно не согласен
1	Бывает, что люди разговаривают с вещами					
2	Бывает, что я разговариваю:					
а	- с вещами					
б	- с транспортными средствами					
в	- с электронными устройствами (телефоном, компьютером и т. п.)					
г	- с техническими устройствами					
д	- с игрушками					
е	- с растениями					
ж	- с персонажами фильмов, компьютерных игр, сериалов					
з	- с бытовыми приборами					
и	- с канцелярскими товарами					
к	- с Интернетом					
л	- с сайтами, файлами, программами					
м	- с едой					
н	- с алкоголем					
3	Бывает, что я разговариваю с вещами от одиночества					
4	Когда вещи плохо работают, я начинаю ругаться на них					
5	Я могу разговаривать с вещами, не замечая этого					
6	Испытывая злость, раздражение, я могу кричать и ругаться на предметы					
7	Я совершенно нормально отношусь к тому, что люди разговаривают с вещами					

		Совершенно согласен	Согласен	Отчасти согласен	Скорее не согласен	Совершенно не согласен
8	Я разговариваю с вещами, когда спешу					
9	Я кричу и ругаюсь на плохо работающие вещи, чтобы выплеснуть негативные эмоции					
10	Разговор с предметом улучшает его работу					
11	Разговаривая с вещами, я надеюсь, что вещи послушаются					
12	Я считаю нормальным, что авто-владельцы разговаривают со своими машинами					
13	Я разговариваю с вещами, стараясь успокоиться при неполадках в работе					
14	Я разговариваю с предметами:					
а	- в одиночестве, когда рядом никого нет					
б	- в присутствии близких					
в	- в присутствии посторонних					
15	Когда я прошу вещи постараться, они действительно лучше работают					
16	Когда я обращаюсь к предмету, я жду от него определенной реакции					
17	Я разговариваю с вещами, когда мне грустно и одиноко					
18	Я разговариваю с любимыми предметами					
19	Если я разговариваю с вещами вежливо и ласково, они работают лучше					
20	Когда люди разговаривают с вещами, их речь меняется					
21	В состоянии азарта я могу разговаривать с персонажами фильмов, игр, сериалов					
22	Когда я ругаюсь на вещи и угрожаю им, они работают лучше					
23	Разговаривая с фотографией, я на самом деле обращаюсь к изображенному на ней человеку					
24	Я разговариваю с вещами, когда у меня хорошее настроение					

		Совершенно согласен	Согласен	Отчасти согласен	Скорее не согласен	Совершенно не согласен
25	После разговора с предметами я испытываю облегчение					
26	Люди, разговаривающие с вещами, не совсем нормальны					
27	Обращение к предметам бесполезно					
28	С помощью обращения к предмету я привлекаю к себе внимание других людей					
29	Я обращаюсь к вещам от беспомощности или в состоянии растерянности					
30	Мне хотелось бы, чтобы вещи, к которым я обращаюсь, меня услышали					
31	Когда я разговариваю с вещами, меня могут счесть ненормальным					
32	Обращаясь к предмету, я на самом деле обращаюсь к конкретному человеку					
33	Во время работы я могу комментировать предметам свои действия					
34	Во время работы я могу проговаривать, обращаясь к предметам, свои планы, порядок действий					
35	Люди говорят с вещами, чтобы не разговаривать с самими собой					
36	После разговора с предметом я чувствую себя более значимым, чем этот предмет					
37	Когда я замечаю, что говорю с вещами, я боюсь, что не совсем нормален					
38	Помимо вербального общения я прибегаю также к физическому воздействию на предметы					
39	Я общаюсь с вещами для достижения своих целей					
40	Разговор с растениями улучшает их рост, цветение и созревание					
41	Люди могут разговаривать с вещами при психических заболеваниях					

		Совершенно согласен	Согласен	Отчасти согласен	Скорее не согласен	Совершенно не согласен
42	Люди могут наделять любимые вещи именами или ласковыми прозвищами					
43	Я не хочу скатываться до такого уровня, чтобы разговаривать с предметами					
44	Я разговариваю с предметами мысленно					
45	Обращаясь к вещам, люди на самом деле обращаются к окружающим					
46	Ненормальные люди, разговаривая с вещами, считают, что вещи им отвечают					
47	Я разговариваю с вещами, когда мне скучно и не с кем поговорить					
48	Я даю имена некоторым вещам (хотя бы одному)					
49	Когда я говорю с вещами, я это не осознаю					
50	Я разговариваю с вещами или собственным произведением в процессе творчества					
51	Я могу разговаривать с вещами на публику					
52	Когда люди обращаются к вещам, они на самом деле говорят для себя, а не разговаривают с вещами					
53	Обращение к вещам бывает частью ритуала					
54	Уговаривая вещь или обращаясь к ней с просьбой, я настраиваю себя и даю себе надежду					
55	В соцсетях я иногда пишу просто, чтобы выговориться, пишу компьютеру, а не конкретным людям					
56	Разговаривая с предметом (например, дневником), человек ведет диалог с самим собой					
57	Люди разговаривают с иконой, ожидая ответа от Бога					
58	Я разговариваю с вещами в ситуациях, на которые не могу влиять					

		Совершенно согласен	Согласен	Отчасти согласен	Скорее не согласен	Совершенно не согласен
59	Выговорившись в разговоре с предметом, я испытываю облегчение					
60	Я разговариваю с вещами в шутку					
61	Когда я разговариваю с вещами, я использую особые интонации и голос					
62	Разговор с вещами помогает мне спланировать свои действия					
63	Если при мне разговаривают с вещами, мне это кажется странным					
64	Я чаще говорю с вещами в состоянии опьянения					

ПРОВЕДЕНИЕ КАЧЕСТВЕННОГО ИНТЕРВЬЮ
Учебное пособие

Авт.-сост. *Трубицына Л. В.*

Художественный редактор *И. А. Пеннер*
Редактор *Е. Ю. Лосевская*
Оригинал-макет подготовила *Т. Л. Самохина*

Изд. № 1671. Формат 60×90/16. Печать офсетная.
Уч.-изд. л. 3,2. Усл. печ. л. 3,5. Тираж 100 экз. Заказ № 1541

Академия социального управления
Юридический адрес: Московская обл., г. Мытищи, ул. Индустриальная, д. 13.
Фактический адрес: Москва, ул. Енисейская, д. 3, корп. 5